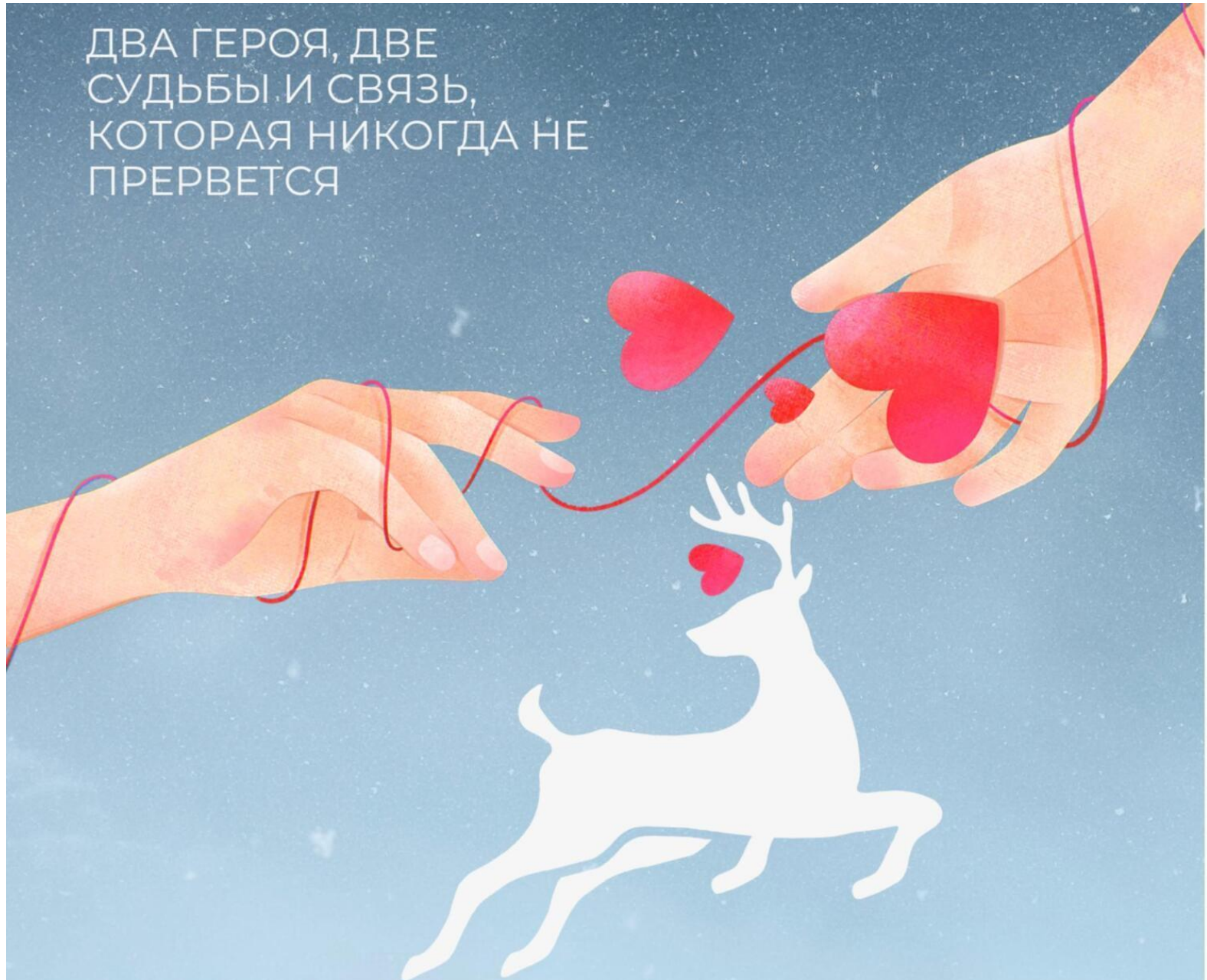

ДВА ГЕРОЯ, ДВЕ
СУДЬБЫ И СВЯЗЬ,
КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ
ПРЕРВЕТСЯ

Сердце серебристого олена

КСЕНИЯ ПАШКОВА

18+

Ксения Пашкова

Сердце серебристого оленя

«Автор»

2024

Пашкова К.

Сердце серебристого оленя / К. Пашкова — «Автор», 2024

Лука: С нашего последнего разговора прошло восемь лет. За это время я достиг невиданных высот и стал чемпионом, но все равно так и не испытал счастья, о котором грезил в свои семнадцать лет. А счастлива сейчас ты? Нравится ли тебе твоя тихая и спокойная жизнь, о которой ты мечтала в школьные годы? Полли: Я не нуждалась в жизни, наполненной крутыми виражами. Мне бы хватило простых, но наполненных улыбками и радостью дней, но у вселенной были другие планы. Она щедро одарила меня прекрасными людьми. Но чего я никак не могла понять, так это зачем она дала мне то, с чем все равно придется расстаться?

© Пашкова К., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Пролог. 1997 год	6
ЧАСТЬ 1. НЕ ВЕРЬ ТЕМ, КТО СКАЖЕТ, ЧТО НАШЕ ВРЕМЯ – ЗИМА	10
Воспоминания Полли. 2013 год	11
Лука. Сентябрь 2023 год	15
Воспоминания Полли. 2014 год	19
Лука. Октябрь 2023 год	24
Воспоминания Полли. 2014 год	27
Лука. Ноябрь 2023 год	30
Воспоминания Полли. 2015 год	33
Лука. Ноябрь 2023 год	36
Воспоминания Полли. 2015 год	39
Лука. Декабрь 2023 год	43
Воспоминания Полли. 2015 год	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ксения Пашкова

Сердце серебристого оленя

Пролог. 1997 год

*Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!*

Эдуард Асадов

Теплый праздник холодного севера – именно так Ставр называл День оленевода, ставший неотъемлемой частью его семейной истории. Возвращаясь с зимовки в южной части полуострова, он с остальными кочевниками шел на самый север, чтобы олени могли в безопасности переждать теплые месяцы. Именно там, в окружении других тундровиков, и в день, отрывающий его от будничных забот, он повстречал девушку, приехавшую из большого города. Его заморозили ее голубые, как льдинки, глаза и волосы цвета медовой карамели.

– День оленевода – праздник тех, кто остается верен вековым традициям и продолжает жить в тундре в гармонии с природой. Для кочевников это повод встретиться с друзьями и родственниками, а для гостей праздника – уникальная возможность прикоснуться к культуре коренных народов севера, познакомиться с их обычаями и традициями.

Как необычно звучит ее голос, подумал Ставр, и непроизвольно двинулся в сторону незнакомки.

– Здравствуйте! – обратилась она к нему, как только он оказался рядом. – Мы снимаем специальный репортаж. Хотим показать нашим зрителям, как проходит День оленевода. Говорят, скоро начнутся гонки на оленьих упряжках. Вы участвуете?

– Да, – коротко ответил он.

– Долго готовились к этим состязаниям?

– Весь год.

– Я слышала, что победитель получит снегоход. Полезный приз, не так ли?

– Пригодится, – кивнул он. – Вы уже ели шурпу с олениной?

– О, – удивилась девушка, – пока нет. Давайте вместе поедим, заодно расскажете, как трудно готовить оленей к гонке.

– Мы выбираем самых быстрых оленей, – сказал Ставр, когда они устроились за длинным деревянным столом, – но их все равно надо долго учить.

– Значит, участники на санях преодолевают дистанцию в три тысячи двести метров. Побеждает тот, кто был быстрее... – Она заметила его насмешливый, но добрый взгляд, и засмутилась. – Я сказала что-то не то?

– Вы говорите сани. У нас их так никто не называет, – пояснил он. – Вы же журналистка?

– Верно, – кивнула она. – Это моя первая поездка. И я... никогда прежде не видела северных оленей. Вам, наверное, странно такое слышать. Но не думайте, что я прилетела сюда неподготовленной. Разумеется, я знаю, что правильно говорить нарты, а не сани. Честно говоря, мне не терпится увидеть гонки.

– Отчего же? Неужели интересно? – Он даже не попытался скрыть проступившую на лице улыбку. Эта девушка так далека от его мира и все же... есть что-то очаровательное в том, как она держится рядом с ним.

– Конечно. Не представляю, как вы не падаете, учитывая скорость, с которой бегут олени.

– Бывает заносит, – согласился Ставр, – как никак шестьдесят километров в час.

– Потрясающе, – заключила она и наконец пододвинула к себе тарелку с шурпой.

– Оленину вы тоже пробуете впервые? – догадался он, подметив ее задумчивый взгляд.

- Все тундровики такие пронизательные?
- Это не сложно. Вы очень отличаетесь от нас.

Он привык говорить напрямую, но, заметив в ее ярко-голубых глазах обиду, отчего-то устыдился самого себя.

– В том смысле, – поспешил он добавить, – что вы иначе на все это смотрите. Нет у вас привычного для местных взгляда.

- Наверняка так и есть, – согласилась она и зачерпнула ложкой суп.

Ставр с улыбкой наблюдал за тем, как девушка пробует что-то новое, про себя думая, что уже давно не испытывал ничего подобного. Его жизнь состояла из череды дней, и долгие годы ему представлялось, что он ничем не отличается от остальных, даже от тех, кто селится в городе. Быть может, незнакомке чужды его быт и заботы, но ей точно понравился вкус его любимой еды. И это неожиданным образом согрело его изнутри.

– Это очень вкусно, – заключила она, доев шурпу. – Похоже на суп, который готовила для меня бабушка. Я тогда была совсем маленькой, но до сих пор помню его аромат.

– Сейчас начнутся прыжки через нарты, – сказал Ставр, увидев, как все гости праздника устремились в одну сторону, – хотите посмотреть?

– Еще спрашиваете! – Улыбнувшись, она подозвала к себе мужчину с камерой и дала ему целый ряд указаний по дальнейшей съемке.

Ее внезапная деловитость вызвала в Ставре приступ необъяснимого возбуждения. Она вовсе не нуждалась в его сопровождении, но он все равно брел за россыпью ее карамельных волос, впервые не обращая внимания на творящиеся вокруг него празднества.

– Вы не участвуете? – поинтересовалась девушка, когда они остановились у толпы зрителей.

- Такие состязания не по мне, – ответил он, надеясь, что она его не прогонит.

– Не так интересно, как гонки на оленьих упряжках?

– Чем сложнее, тем сильнее азарт, – объяснил Ставр.

– Значит, вы не из тех, кто боится трудностей, – ухмыльнулась она, посмотрев ему прямо в глаза. – Хорошо, что именно вы стали моим проводником в здешний мир.

Он понадеялся, что ее слова и улыбка правдивы и что она искренне наслаждается его обществом.

- А как ваше имя?

– Нэлли, но все зовут меня Нэл, – представилась девушка. – А ваше?

– Ставр. – Как только она кивнула, он добавил: – Так звали моего деда.

– Это имя вам очень подходит. От него веет северным колоритом.

Его порадовало сказанное Нэл, хотя ему самому никогда не нравилось собственное имя. И пусть она ничего не смыслит в традициях, которые окружают его с самого рождения, рядом с ней он на короткое мгновение почувствовал себя понятым.

В прыжках через нарты победил троюродный брат Ставра – Ян, и он направился к нему, чтобы поздравить. К его удивлению, Нэл молча последовала за ним.

– Вы не часто видите? – спросила она, когда Яна окружили другие члены семьи, и им пришлось посторониться.

– Мы встречаемся только в этот день, – ответил он, задумавшись о своей большой семье, с которой он близок даже на расстоянии.

– Здорово, что есть такой праздник, – кивнула Нэл. – Наверное, это прозвучит глупо, но между вами чувствуется особая связь, какой давно нет у городских жителей. Я рада, что мне довелось здесь побывать.

– Но вы же еще побудете с нами? – Он не хотел навязываться, но оказался не готов отпустить ее прямо сейчас.

- Я намерена остаться до конца праздника, не хочу ничего пропустить.

– Только не исчезайте, не попрощавшись, – попросил ее Ставр, уже представив, как нелегко ему дастся это прощание.

– Хорошо, – пообещала она, улыбнувшись. – Кажется, на сцене что-то происходит.

– Да, сейчас начнется концерт.

Когда женский хор запел его любимую народную песню, он не удержался и начал подпевать.

– Жаль, я не понимаю слов, – вздохнула Нэл.

– Она называется «Серебристые олени», – поведал он ей. – Лучше вам закрыть глаза и просто послушать, в этой песне живет душа севера.

Многочисленно переглянувшись с ним, она все же последовала его совету и зажмурилась. Сковавшее ее поначалу напряжение начало отступать, и Ставр испытал странное удовлетворение самим собой. Ему нравилось быть ее проводником и собеседником, а еще он представлял, как, вернувшись домой, она будет рассказывать об их удивительном знакомстве и времени, которое она провела именно с ним – обычным оленеводом. За тридцать четыре года он ни разу не думал о жизни за пределами тундры, и нет сомнений, что и Нэл не думала о том, как живут такие, как он. Их непохожесть ударила по нему сильнее крепких северных морозов, и он стоял рядом с ней – пораженный и сбитый с толку неожиданными чувствами и желаниями.

– А вам не нужно готовиться к гонкам? – спросила Нэл, когда концерт закончился, а он продолжил стоять на месте, все еще погруженный в мысли.

– Будете за меня болеть? – поинтересовался он, придя в себя.

– Буду, – кивнула она, – верю в вашу победу.

Ее слова вызвали в нем неожиданную радость, тут же переменившуюся на грусть из-за скорого завершения этого дня, так отличающегося от привычных ему будней.

Ставр знал свое дело, но все равно долго и тщательно готовился к соревнованиям. Его семья нуждалась в снегоходе, и он делал все возможное, чтобы его заполучить. Но уже в процессе гонки в голове мелькнула мысль, что не так уж и важен этот приз. Куда больше его занимал страх упустить девушку, запавшую ему в сердце.

Он пришел лишь вторым, но ничуть не расстроился этому проигрышу. Подошедшая к нему Нэл протянула руку к оленям, и он познакомил ее с каждым из них.

– Топотун, Тайфун, Тайга, Талия и Торнадо, – перечислил оленей Ставр.

– Почему их имена начинаются с одной и той же буквы? – удивилась девушка.

– Как-то так повелось. – Пожав плечами, он протянул Нэл руку. – Хотите их погладить?

– С радостью, – отозвалась она, подойдя ближе.

– Лучше всего гладить оленя в районе носа. – Ставр поместил ее ладонь на мордочку Талии.

Заметив установившийся между Нэл и Талией контакт, он пожалел, что не может остановить это мгновение и забрать его с собой.

– Я скоро вернусь, – сказал он ей и ушел, ненадолго оставляя ее в одиночестве.

Мужчина с камерой, приехавший вместе с Нэл на праздник, подошел к ней и покачал головой.

– Ничего не говори, – попросила она его, не отрываясь от знакомства с оленями Ставра.

– Я лишь хотел сказать, что нам уже пора уезжать, если мы не хотим опоздать. Нужно ли еще что-то отснять?

– Мне нужно еще несколько минут, чтобы попрощаться.

– Но... – Он хотел возразить, но рядом возник Ставр. – Десять минут, Нэл.

– Хорошо, спасибо, – кивнула она, переводя взгляд на оленевода. – Что это у вас в руках?

– Я подумал, что нельзя отпускать вас с пустыми руками. – Ставр протянул ей сверток яркой ткани, и она не сразу угадала в нем традиционную женскую одежду – ягушку.

– Это же... – Ахнув, Нэл прижала к себе подарок. – Большое спасибо!

– Хотелось, чтобы вы забрали с собой что-то еще, помимо воспоминаний об этом дне, – объяснил Ставр.

Она заглянула в его добрые карие глаза и не сдержала слез. Совсем не этого Нэл ожидала от своей первой рабочей поездки – не тепла и заботы незнакомого мужчины. И уж точно – не желания остаться и узнать его получше.

– Мне хочется, чтобы этот день не кончился, – призналась она, не отводя взгляд.

– И мне, – согласился Ставр. – Думаете, мы увидимся еще когда-нибудь?

Надежда в его голосе пошатнула ее твердую уверенность в том, что не существует судьбоносных встреч, и тогда она ответила:

– Я была бы рада увидеть вас снова.

ЧАСТЬ 1. НЕ ВЕРЬ ТЕМ, КТО СКАЖЕТ, ЧТО НАШЕ ВРЕМЯ – ЗИМА

*Я перестал любить тебя ещё в июне,
А ты, на зло, явилась в декабре.
Мой пепел, что остался в сердце юном,
Тоскливо вспомнит о тебе.*

*Я перестал надеяться на вечность.
Я перестал надеяться вообще.
Внутри меня зима, и бесконечность
И мне так жаль, что дело не в зиме.*

Сия Рэйман

Воспоминания Полли. 2013 год

Все называли его оленьим сыном, и это все, что я, к своему стыду, о нем знала. Хотя было кое-что еще, чего другие почти наверняка не замечали. Например, его волос цвета моих любимых конфет – золотистых ирисок. Мне их есть не разрешалось, так что, сидя позади Луки на уроках географии, я представляла, что его густые кудри – карамельные тянучки – и улыбалась.

В школу он часто опаздывал, но учителя его никогда не ругали, точно он был особенным. Я находила привычку Луки приходить через десять минут после звонка раздражающей и неизменно встречала его осуждающим взглядом. Но, когда ему доставалось от одноклассников, мне вдруг становилось совестно.

За те несколько месяцев, что Лука провел в нашем классе, друзьями он так и не обзавелся. Мне не доводилось быть новенькой, так что я могу только догадываться, с каким стрессом он сталкивался изо дня в день.

– А ты тоже однажды станешь оленем, как твой отец, и убежишь жить в тундру? – дразнил его Макар – наш главный задира. Стоило ему только начать, как остальные тут же присоединялись к нападкам.

– Да у него уже рога торчат, присмотритесь! – Сережа, лучший друг Макара, тыкал в Луку пальцем и громко смеялся, и за жалкие доли секунды его смех подхватывал весь класс.

Это происходило регулярно. В какой-то момент я даже подумала: «Как им только не надоедает говорить одно и то же каждый день?».

– Почему вы его так называете? – не выдержав, спросила я как-то у одноклассников.

– А ты не в курсе? – усмехнулся Макар, и я отрицательно покачала головой. – Русик слышал, как он рассказывал математичке, что его отец оленевод и живет в тундре.

– Вроде как его папа ушел из семьи, – тихо дополнила Вика, сидящая рядом со мной.

– Променял сына и жену на оленей, – пошутил Сережа, и все дружно прыснули смехом.

Как оказалось, Лука во время нашего разговора стоял у кабинета и все слышал. Я поняла это, заведя его на пороге, – обычно миролюбивое лицо перекошило от злости. Когда он налетел на одноклассников с кулаками и начал что есть силы молотить их по груди, я взвизгнула и ринулась в бой, чтобы их разнять, но в итоге добровольно стала участницей драки.

Мы – Макар, Сережа, Лука и я – сцепились не на шутку.

– Тупой олень! – кричал Макар, схватив противника за волосы.

– Отцепись! – потребовала я, оттаскивая его от Луки.

– Не мешай, Полли. Дай нам ему как следует навалить, – рычал Сережа мне на ухо. Он пытался ударить Луку, но я каждый раз закрывала того собой.

– Я тебе сейчас сама навалю! – Мой удар локтем пришелся ему как раз по лицу.

– Ненормальная! – завопил Сережа. – Ты мне губу разбила!

Я даже не обернулась, чтобы проверить его слова, и продолжила борьбу с Макаром, мертвой хваткой вцепившимся в Луку.

– Отпусти его!

– Отвали, Полли, – процедил раскрасневшийся Макар.

– Сам отвали! – Я не придумала ничего лучше, как схватить его за темные волосы и потянуть на себя.

В таком положении нас и нашел учитель литературы. Сказать, что он пришел в ярость – это не сказать буквально ничего. Так впервые за восемь лет учебы я оказалась в кабинете директора школы.

Нас четверых завели в просторную комнату, отделанную деревянными панелями, и сказали ждать. Сережа продолжал дуться и держаться за разбитую губу, а Макар пыхтел от злости

и порывался снова наброситься на Луку, который стоял позади меня и равнодушно разглядывал красный ковер под ногами.

– Придурки, – выпалила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А ты либо умная? – прошипел Макар. – Зачем полезла в драку?

– Потому и полезла, что вы придурки.

– Защищаешь оленьего сына? – продолжил он.

– Хватит так говорить. – Закатив глаза, я села на один из расставленных у стены стульев. – Это даже звучит тупо.

– Слышал? – обратился Макар к Луке. – За тебя девчонка заступается, пока ты стоишь и сопли жуешь.

Я напряглась, ожидая новую стычку, но ничего не произошло – Лука продолжил молчать и делать вид, что нас здесь нет. «Даже спасибо не сказал» – подумала я и вспомнила, почему он раздражает меня большую часть времени.

Директор оказался слишком занятым человеком, чтобы общаться с кем-то вроде нас, так что к нам пришла завуч.

– Сначала вы двое, – позвала она Сережу и Макара, и те вышли вместе с ней из кабинета. Кажется, она назвала это профилактической беседой.

Случившаяся в кабинете литературы потасовка не единственная в моей биографии, но это первый раз, когда я так глупо попалась. Всегда считала, что быть наказанной за плохое поведение – удел неудачников. И вот я стала одной из них, а тот, чью честь я по глупости решила отстоять, находился в метре от меня и пялился на свои ноги.

– А это правда? – спросила я Луку, и голос мой прозвучал слишком резко. – Что твой отец ушел от вас в тундру?

– Да, – коротко ответил он, не поднимая головы.

– Сочувствую. Скучаешь по нему?

– Да, – повторил он.

– Тебе обязательно быть таким вредным?

– Я не вредный, – возразил Лука.

– Тогда почему ни с кем не общаешься?

– А должен? – Искренне удивившись, он посмотрел мне прямо в глаза. – Да и разве в вашем классе есть те, кто хочет со мной дружить?

Немного помолчав, я сказала:

– Моего отца тоже называют оленем, правда совсем по другой причине.

В тот день я узнала о Луке кое-что еще. Перед тем, как звонко рассмеяться, он всегда хмурил брови, а в его глазах цвета Северного Ледовитого океана будто таял гигантский айсберг.

Должна признать, что любила по крупице день за днем собирать факты об этом парне, хотя он сам понравился мне далеко не сразу. Я не злюка, но и дружелюбием никогда не отличалась: много хулиганила, плохо училась, часто спорила и огрызалась со старшими. Большинство учителей сошлись во мнении, что у меня дурное воспитание и что мое красивое имя мне совсем не подходит.

– Поллиана, это ты? – спрашивала мама, когда я возвращалась из школы.

И перед тем, как ответить, я пыталась за доли секунды стать дочерью, которую она хотела видеть: образцовой, любезной и стремящейся к чему-то большему. Но у меня ничего не выходило – я разочаровывала ее тем, какой была и какой хотела быть. Моя беспечность ежедневно подвергалась осуждению, но ни это, ни пренебрежение моими чувствами не могли изменить того, что мне никогда не стать другой.

Несмотря на вопиющую безалаберность, я быстро сходилась с новыми людьми и вписывалась в любую компанию. Одноклассники называли меня резкой, но веселой, а еще – «нашей Полли», что означало, как сильно им со мной повезло. Последняя характеристика особенно

часто звучала в дни, когда я тайком пробиралась в кабинет учителя, чтобы разыскать ответы на контрольную.

Мы не контактировали до той драки, но я с самого начала знала, что Лука другой. Правильный мальчик. Моя противоположность. Про таких, как он, говорят: «Подающий большие надежды». А про меня сказали бы: «Она звезд с неба не хватает». И все бы ничего, не начни мы общаться.

Я всегда относилась к тем невероятным дурочкам, слепо верящим в святость дружеских уз. Звучит комично, но это чистая правда. Называя кого-то своим другом, я чувствовала себя так, будто провожу ритуал по слиянию наших душ, сердец и жизней. Конечно, столь серьезный подход не способствовал появлению большого количества друзей, но я не огорчалась, потому что привыкла довольствоваться только самым лучшим.

Признаюсь, что дружба с Лукой никогда не казалась мне хорошей идеей, да и не верила я, что это возможно. Ближе к середине восьмого класса мы узнали, что он занимается фигурным катанием, а спорт – это совсем не про меня. Чтобы отмазаться от занятий физической культурой я часто отыгрывала внезапную травму и, упав навзничь, тихо хныкала до тех пор, пока меня не прогоняли из зала.

– Ну ты и артистка, – говорил мне Лука после урока.

– Знаю, – довольно улыбалась я в ответ.

Удивительно, но меня не раздражало его превосходство. Иногда я даже восхищалась тем, как сильно он на меня не похож, хотя с другими это работало с точностью до наоборот. Мне не надоедали рассказы Луки о ежедневных тренировках и меня не душили его амбиции размером с кратер вулкана. Я бы назвала общение с ним сносным, но это было бы чудовищным преуменьшением тех чувств, что вызывали во мне наши разговоры и встречи.

– Полли, а как бы ты назвала своего оленя? – спросил меня как-то Лука.

– А что? Хочешь подарить мне оленя?

– Нет, – покачал он головой, проигнорировав мою шутку. Он никогда не велся на мои подколы, когда хотел поговорить серьезно, по-взрослому. – Так что, какое имя ты бы выбрала?

– Ну и вопросы ты задаешь, – вздохнула я. – Пусть будет Лука.

– Ты бы назвала оленя в мою честь? – удивился он.

– Да.

– Почему?

– Потому что ты бы мне его подарил, – уверенно заявила я.

– Вот так заявление, – ахнул Лука, улыбаясь.

– К чему ты об этом заговорил?

– Папа обещал, что на мое шестнадцатилетие мы вместе поедem к его оленям, и я смогу дать имя одному из них.

– А он точно приедет?

– Он так сказал.

– Родители много чего говорят, Лука.

– Ты его совсем не знаешь, – возразил он. – Если папа дал обещание, он его сдержит.

– Ладно. А когда тебе исполнится шестнадцать?

– Через два месяца.

Так я узнала, что Лука старше меня и всех остальных в классе. Когда я спросила, с чем это связано, он сказал, что не хочет об этом говорить, и быстро сменил тему.

Это еще одна вещь, которая жутко меня бесила. Его скрытность. А, как я сказала ранее, дружба – это святое, а в недоверии нет ничего похожего на святость.

Мы открылись друг другу не сразу. Он долго молчал о том, как серьезно относится к фигурному катанию – боялся, что я подниму его на смех из-за мечты стать чемпионом. Я же до последнего скрывала свое стремление быть человеком обычным, понятным и в то же время

значимым. Но, когда мы осмелились изобличить ту часть себя, которую прятали от остальных, все в нашем общении стало проще. А еще – иначе.

– Я назвал его Поль, – сообщил мне Лука, когда вернулся из поездки к отцу.

– Мне кажется или имя твоего оленя похоже на мое? – сощурилась я, едва сдерживая улыбку.

– Ничего лучше не придумал, – пожал он плечами, будто не было в этом поступке ничего особенного. Но я знала, как ему важна эта поездка, встреча с папой и его оленями, а потому растрогалась, осознав, что даже в такой момент он помнил обо мне.

– Хорошее имя, мне нравится.

– Слушай, Полли... – замялся Лука.

– Что такое?

– Поедешь в следующий раз со мной?

– Познакомиться с Полем?

– Не совсем, – робко улыбнулся он. – Отец обещал отвезти меня на замерзшее море.

– Это еще зачем? – удивилась я.

– Всегда мечтал там покататься.

– На коньках? А это безопасно? Ты не уйдешь под воду?

– Все будет хорошо. Так что, хочешь поехать?

– Мне нужно спросить у мамы, но я сама не против.

Ух ты, подумала я про себя, неужели это правда случится, и мы с Лукой отправимся в настоящее путешествие в самое сердце тундры, на берег замерзшего моря? Если бы меня спросили, как так вышло, что сегодня он новенький, которого я сторонюсь, а уже завтра мы друзья, готовые разделить одно на двоих северное приключение, я бы не знала, что ответить.

Лука. Сентябрь 2023 год

Встретить ее здесь, в этом необъятном городе, среди миллионов так не похожих на нее людей – ничто иное, как чудо, в которое я никогда не верил. Она жила в трех с половиной тысячах километров отсюда, в северном городе, на гербе которого изображен единорог, в доме рядом с театром оперы и балета, в который так любила ходить ее мама, а еще она жила в моей памяти, и воспоминание о ней даже спустя годы сияло ярче Полярной звезды.

Когда мы виделись в последний раз ее светло-русые волосы едва доходили до плеч, а теперь я украдкой наблюдаю за тем, как длинные белокурые локоны вьются по ее изящным плечам и спине. У меня бы и раньше не повернулся язык назвать ее нескладным подростком, но сейчас в ее внешности не осталось ничего детского, и поэтому я едва держусь на ногах. Женственная, с изящными длинными руками, которые держат поднос с напитками, со смягчившимися со временем резкими чертами угловатого лица – такой она предстала передо мной этим вечером, спустя восемь лет после нашего молчаливого прощания.

Полли. Я шепотом произношу ее имя, забившись в углу коктейль-бара «Наши черничные ночи», куда меня пригласила моя бывшая Инга, с которой мы смогли остаться хорошими друзьями. На мне нелепый ярко-салатовый костюм Маленького принца¹ и карнавальная корона из поролона и золотистой ткани, что не так уж сильно выделяет меня среди остальных гостей тематической фэнтези-вечеринки, но мне все равно неловко. Особенно теперь, когда я знаю, что Полли здесь.

Рано или поздно она меня заметит, и тогда мне придется найти для нее слова, которые следовало сказать еще восемь лет назад. Должен ли я стыдиться, что уехал, оставив ее позади, и что не стал поддерживать связь, которую мы так долго выстраивали? Или мне стоит признать, что не все в этой жизни – даже самое хорошее – можно сохранить и пронести сквозь годы? А может, ей и вовсе не нужны мои слова, и я зря проигрываю в голове возможные сценарии нашего скорого разговора.

– Что с тобой? – интересуется Инга, заставшая меня за нервным поеданием третьей по счету порции фиш энд чипс с соусом тартар.

– Мне не близка вся эта... движуха.

– Тебе бы понравилось, не стой ты в стороне.

– Не упрекай меня, я слишком стар для подобного веселья.

– Тебе всего двадцать пять, – напоминает Инга, сощутив зеленые глаза. – Кого ты там высматриваешь за моей спиной?

– Только не оборачивайся, – прошу я ее. – Здесь девушка, с которой я когда-то дружил.

– Что? Когда? А я ее знаю?

– Нет, я никогда о ней не говорил.

– Со мной?

– Вообще ни с кем.

– Как она выглядит? – Инга пытается обернуться, но я хватаю ее за рукав кимоно с лепестками сакуры, которое она приобрела специально для образа кицунэ.

– Я же сказал: не смотреть туда!

– А вдруг мы с ней знакомы? Я много кого пригласила на эту вечеринку. – Она касается моего лица своим алым веером и улыбается. – Ну же, Маленький принц, скажи мне, кто твоя роза.

¹ Маленький принц – главный герой произведения «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери

– Ладно, – вздыхаю я, потому что она все равно не отстанет, пока не добьется своего. Уже сочувствую ее нынешнему парню Диме – бармену «Наших черничных ночей». – Кажется, она здесь работает, потому что у нее в руках постоянно поднос с коктейлями.

– Официантка? – восторженно ахает Инга. – Как она выглядит?

– Невысокая, длинные светлые волосы, серо-голубые глаза, красивые руки, родинка над левой бровью, россыпь веснушек, хотя вряд ли их видно под слоем косметики. Я не сразу ее узнал, потому что прошло много лет, но это точно она – Полли.

– Полли?! – восклицает подруга, шокировано уставившись на меня. – И как давно ты ее знаешь?

– Я перевелся в школу, где она училась, в восьмом классе. Мы были друзьями, пока мне не пришлось уехать.

– Почему ты ничего о ней не рассказывал?

– Я не люблю об этом вспоминать, – признаюсь я.

– А ты знал, что она тоже переехала в столицу?

– Понятия не имел.

К нам подходит Дима, и на его лице читается один-единственный вопрос: «О чем вы тут шепчетесь?». Инга познакомила меня со своим парнем пару часов назад, так что назвать нас приятелями нельзя даже с натяжкой.

– Как вы тут? – спрашивает Дима.

– Оказывается, Лука знаком с Полли, – выпаливает Инга. Заметив мой красноречивый осуждающий взгляд, она добавляет: – Да брось, просто подойди к ней и поздоровайся.

– Не уверен, что она мне обрадуется, – колеблюсь я.

– Тебе не о чем волноваться, – говорит Дима. – Полли – самый приветливый и дружелюбный человек из всех, кого я знаю. Она очаровывает каждого, кто заходит в этот бар.

В этом и проблема, думаю я про себя. Полли, которую я знал, не умела фальшиво улыбаться, а еще быть услужливой и любезной. Она отличалась резкостью, была конкретна и никогда не прогибалась под правила, которые диктовал ей окружающий мир. Наблюдая за ней сегодня, я поражался тому, как сильно ее изменили эти восемь лет. Одета в костюм феи, она порхала по бару, излучая позитив и легкость. Эта Полли никогда бы не вошла в драку, и что самое важное – с этой Полли мы бы никогда не стали друзьями.

– Я пойду к девочкам, – сообщает мне Инга, кивая в сторону подруг.

– Ведите себя достойно, – прошу я.

– Ой все! Пока, Лука.

Я провожаю взглядом ее миниатюрный силуэт, и уже через несколько секунд ее рыжая макушка растворяется в толпе разноперых посетителей бара. Несмотря на нелепый костюм, в котором меня можно спутать со стеблем сельдерея, на этой вечеринке я оказался по долгу службы. Став ведущим хореографом одного из самых уважаемых в стране тренерских штабов по фигурному катанию, мне пришлось пересмотреть свое отношение к понятию ответственности. Узнав, что все три мои подопечные собираются в «Наши черничные ночи», я не смог закрыть глаза и позволить им отправиться сюда без моего сопровождения. Глядя на них сейчас, становится очевидно, что это было вовсе не обязательно. Они взрослые спортсменки и состоявшиеся личности, им точно не нужна моя опека. Но в последнее время я так сильно боюсь облажаться, что перебарщиваю во всем, что касается этой работы, ведь она – все, что у меня теперь осталось,

Я доедаю остатки картофеля фри и, еще раз окинув взглядом бар, направляюсь в уборную. Думаю о том, как бы не напороться на Полли, но вместо этого врезаюсь в парня, стоящего за боковым столиком. Он подается вперед и роняет стакан с коктейлем, который тут же опрокидывается на мои бежевые лоферы. Это ничего, думаю я, это поправимо. И даже в следующие несколько секунд, когда рядом возникает высокая темноволосая девушка с темно-бордовой

помадой на губах, представляющаяся владелицей бара, я продолжаю думать, что все в порядке. Но когда позади меня раздается ее голос – голос моего прошлого, моего дома, моей северной души – я не могу пошевелиться.

– Это Полли, – говорит руководительница «Наших черничных ночей». – Она уладит эту досадную неприятность.

– Добрый вечер! – здоровается Полли, и голос ее – чистый елей.

Еще мгновение – и она поймет, кто перед ней, но до тех пор я продолжаю стоять на месте, разглядывая свою испачканную обувь. Мы будто снова в восьмом классе: стоим в кабинете директора, я молча смотрю на ковер, а она улаживает то, во что я ее втянул.

– Сейчас принесу вам новый коктейль, – обещает Полли парню, в которого я врезался.

– Малыш, это не обязательно, – в открытую флиртует он, – лучше оставайся с нами, отдохни.

– Знаете, я ведь себе не прощу, если вы уйдете, не допив свой коктейль. Скоро вернусь, никуда не уходите, – отвечает она, и меня поражает то, как изящно она выходит из сложившегося положения.

Я почти уверен, что сейчас она развернется и уйдет к барной стойке, предоставив мне тем самым шанс уйти незамеченным, но это же Полли, а она никогда не оправдывает чужих ожиданий.

– Лука, тебе что-то нужно?

Вздвигнув, я оборачиваюсь и вижу ее непроницаемое лицо, с которого напрочь исчезла улыбка. Видимо, она предназначена всем, кроме меня.

– Нет, – отзываюсь я, – все в порядке.

– Точно? – Она с сомнением оглядывает мою обувь, до основания залитую красным коктейлем. – Идем со мной.

– Куда? – уточняю я, машинально следуя за ней.

– Эй, Феликс! – окликает она одного из барменов. – Я возьму твои запасную обувь и носки из раздевалки?

– Лады, только верни потом, – разрешает тот.

– Спасибо! И приготовь для восьмого столика Кровавую Мэри. За счет заведения.

– Лады, – повторяет Феликс.

Полли заводит меня в дальнюю по коридору небольшую комнату, и неожиданно окружившая нас тишина вгоняет меня в ступор.

– Вот, возьми, – Полли протягивает мне похожие на мои лоферы, но только черного цвета, и белоснежные носки с перцами чили. Видимо, заметив мою ухмылку, она поясняет: – У Феликса страсть к носкам с рисунками.

– Понятно, – киваю я, слегка смутившись, – спасибо.

– Пожалуйста.

– И давно ты знаешь, что я здесь?

– С самого начала вечеринки, – отвечает она равнодушно. – Это моя обязанность – следить за посетителями, чтобы ничего не пропустить.

– Не пропустить, – повторяю я за ней. – Не пропустить чего? Просьбы убрать столик? Или принести новый коктейль?

– Именно так. Тебе же понравился наш сервис? – спокойно уточняет она и, не дожидаясь моего ответа, продолжает. – Если тебе больше ничего не нужно, я должна вернуться к работе.

– Полли, я... – А что, собственно, я собираюсь сказать? Прошло восемь лет, мы теперь чужие друг другу люди, которых связывает одно только прошлое, да и то ставшее расплывчатой кляксой на истлевшей от времени бумаге.

– Отличный костюм, – говорит она, уже схватившись за дверную ручку, – но корону я бы заменила на оленье рога.

Последнее, что я слышу перед тем, как Полли открывает дверь, и громкая музыка врывается в комнату и мои мысли, это:

– Были рады видеть вас в баре «Наши черничные ночи», хорошего вечера.

Воспоминания Полли. 2014 год

Когда мне исполнилось двенадцать, у моего отца родился ребенок от другой женщины. Мы с мамой узнали об этом за ужином, во рту у меня было овощное рагу, которое тут же встало поперек горла. Папа сообщил эту новость, как нечто само собой разумеющееся, словно многолетний роман со своей бывшей одноклассницей – это обычная повседневная рутина. Он заявил об этом с неохотой, но – искренне надеюсь, что мне это только почудилось, – с хорошо улавливаемой гордостью. «У меня теперь есть сын» – вот что конкретно он нам сказал в тот вечер. За окном шел снег, но я больше не переживала о том, как буду добираться до школы, потому что на меня уже обрушилась чудовищная лавина.

Он ушел не сразу, потому что долгое время пытался убедить маму, да и вероятно самого себя, что это вполне реально – жить на две семьи, заботиться и любить нас в равной степени. Я подслушивала их тихие разговоры и не понимала, почему они так спокойны. Они обсуждали, что делать дальше, как растить меня, их дочь, нуждающуюся в постоянном внимании и материальной поддержке. Мне претила их попытка быть хорошими родителями, потому что моя вера в институт семьи уже пошатнулась, и никакие их разговоры на кухне не могли этого исправить.

Удивительно, но злилась я куда дольше мамы, довольно быстро принявшей новую реальность, где мы остались вдвоем. Сначала отец переехал на другой конец района, а потом и вовсе покинул город – его жена всегда мечтала жить и растить ребенка в теплых краях. Когда он уехал, я все еще была охвачена гневом и обидой, но меня все равно накрыло холодным одиночеством.

Я с нетерпением ждала каждый папин звонок, но, ответив, не знала, как себя вести и что говорить. Мне не хотелось спрашивать о его новой жизни, а ему наверняка не было дела до наших с мамой северных будней. В какой-то момент я поняла, что наша связь недостаточно сильна, что я все еще злюсь и что возможно никогда не смогу его простить. И тогда я перестала идти на контакт, отчего нам обоим, кажется, стало легче.

Наверное, поэтому я не горела желанием знакомиться со Ставром, ведь он оставил Луку ради жизни в тундре, но уже при первой встрече стало ясно, что этот человек совсем не похож на моего отца.

– Приятно познакомиться с близким человеком моего сына, – с искренней улыбкой на лице сказал Ставр, и в уголках его карих глаз проступили глубокие морщины.

Я собиралась ответить, что не так уж мы и близки, как он мог подумать, но Лука неожиданно взял меня за руку и произнес:

– Рад тебя видеть, пап. Спасибо, что организовал эту поездку.

– Да, точно, – кивнула я, – спасибо вам.

Я благодарила Ставра не за возможность отправиться в это путешествие по тундре, а за то, что он не обманул своего сына и сдержал обещание. Пока Лука всюду готовился к поездке, меня до последнего терзали сомнения. И все из-за того, что отчебучил мой собственный отец.

Ставр предупредил, что нам предстоит далеко не простой путь и что нужно постоянно быть начеку, потому что зимняя тундра полна опасностей, связанных с крайне переменчивой погодой: шквалистым ветром, плохой видимостью и низкой температурой. Так что совсем не удивительно, что, как только мы отъехали от железнодорожного вокзала, меня накрыла паника. Я сидела внутри мощного вездехода «Север», способного проехать по любому бездорожью, и все равно боялась.

– Папа знает, что делает, – прошептал Лука, снова взяв меня за похолодевшую от страха руку.

– Это не аргумент. У меня плохо с доверием к чьим бы то ни было отцам, – криво улыбнулась я. – Просто идея поехать с вами в тундру пахнет безумством.

– Ты только сейчас это поняла? – тихо рассмеялся Лука. – Все будет хорошо, не переживай. Мы уже слишком далеко зашли, чтобы отступить.

И это правда. Мы преодолели почти две тысячи километров, чтобы оказаться в ближайшем к морю городе. А впереди нас ждали еще три сотни километров бескрайней снежной дороги. Думаю, что мама даже не осознавала, куда меня отпустила, пока я не вернулась и не рассказала ей обо всем, что произошло со мной за время этого путешествия.

За пять часов, проведенных в машине, я узнала немало нового. Например, о самых крупных тюленях – морских зайцах, о необитаемом острове – Медный и о нагромождениях обломков льда, называемых торосами. Люди, дразнившие Луку из-за отца, живущего в тундре, не могли даже вообразить о знаниях, которыми он обладал. Когда Ставр говорил, у меня перехватывало дыхание – настолько интересны были его рассказы о северной жизни. Лука гордился им, и в этой поездке я поняла, чем вызвана эта не знающая границ гордость.

Мне бы хотелось похвастаться тем же, но мой папа не отличался любознательностью и не тянулся к знаниям. Большую часть жизни он проработал водителем автобуса, но, в отличие от мамы, я никогда его за это не корила. И, несмотря на все обуревающие меня противоречивые чувства, я всегда понимала папу и знала, что он понимает меня. Ведь иногда человек становится не тем, кем хочет, а тем, кем может быть.

Когда Ставр предложил сделать короткую остановку, я с опаской выглянула на улицу.

– Через час будем на месте, – сказал Лука и протянул мне руку, – давай пройдемся?

– Только недолго, – согласилась я.

Отойдя от машины, мы остановились в самом центре снежной пустыни и, переглянувшись, тихо вздохнули. Так холодно, подумала я, но на душе необъяснимо тепло.

– Звонящая тишина, – прошептал Лука, глядя мне в глаза.

– Твой папа – замечательный человек. – Заметив его удивление, я объяснилась: – Хочу, чтобы ты это знал, ведь в школе...

– Спасибо, – перебил он меня. – Рад, что вы поладили, потому что он не такой, как другие, и не все могут его понять.

– Может, и я не такая, – предположила я и тут же призналась: – Мне здесь не по себе.

– Почему?

– Посмотри вокруг. Мы словно оторваны от реальности. Здесь же буквально ничего нет.

– Здесь есть мы, а это уже что-то, – напомнил Лука, и я усмехнулась.

– Вы со Ставром очень похожи.

– Так и есть, – кивнул он, – думаю, нам пора возвращаться в машину.

Оставшийся час дороги я провела в мыслях о чувствах, которые вызывал во мне Лука. Как бы я ни избегала нашей близости, иногда ему все же удавалось дотянуться до моего сердца, и тогда меня посещало внезапное осознание того, как на самом деле его много в моей жизни. Все истории, пересказанные друг другу украдкой, где-то между вторым и третьим уроком, во время самой большой перемены, и мимолетные взгляды, несмотря на разделяющие нас парты, соединили нас прочнее, чем тугая веревка. Мне всегда казалось, что кривая линия моего будущего никогда не пересечется с выверенной траекторией Луки. И все же я позволила случиться нашей дружбе и этой по-настоящему сказочной поездке, воспоминания о которой прочно засели в моей голове.

Когда Ставр объявил о прибытии, я пробудилась от недолгого сна и выглянула в окно.

– Не могу поверить, – ахнул Лука. – Мы правда здесь.

Окраинное море Северного Ледовитого океана. Самое холодное, почти круглый год скованное льдом. И оно прямо перед нами.

– У нас всего час до захода солнца, – сказал Ставр, выбираясь из вездехода.

Оставшись наедине с Лукой, я ощутила витающий в морозном воздухе трепет и предвкушение от скорого соприкосновения с мечтой, которая долгие годы жила в его сердце, похо-

жем на мерцающую серебристую снежинку, приземлившуюся прямо на лобовое стекло нашего автомобиля.

- Волнуешься? – спросила я, видя, как Лука затаил дыхание.
- Как только я выйду на улицу, этот момент уже не повторится, – признался он.
- Думаешь, ожидание приятнее реальности?
- Может быть.
- Бессмысленно чего-то желать, если не готов действовать.

Он не согласился, но и возражать не стал. Им руководила то ли природная скромность, то ли приобретенная глупость, но Лука не был *таким* парнем. Он предпочитал упорно трудиться, наивно веря, что этого будет достаточно, чтобы обладать всем, чего так отчаянно просит сердце. Иногда мне хотелось схватить его за черный спортивный джемпер, с которым он не расставался круглый год, и заставить действовать. По-настоящему и решительно, без толики сомнений. Каждый раз, когда Лука уезжал на соревнования, я видела в его глазах то, чего не должно быть у спортсмена, и понимала, что он будет проигрывать до тех пор, пока не избавится от всех ненужных эмоций.

Когда мы все же вышли наружу, я так и осталась стоять у машины, наблюдая за тем, как Лука, впопыхах натягивая меховую шапку, подаренную Ставром, бежит к кромке замерзшего моря, издавая при этом труднопереводимые счастливые возгласы. Ледяной ветер словно замораживал каждое его слово, навечно сохраняя их в северном воздухе, частью которого он стал в тот день.

- Папа! – услышала я, когда Лука крепко прижал к себе отца.

Эта картина на мгновение всколыхнула мою еще не до конца зажившую рану, но я быстро избавилась от нависшего надо мной морока и сосредоточилась на виднеющихся вдали кристаллообразных нагромождениях льда, похожих на огромные иглы.

- Полли! – позвал меня Ставр. – Иди к нам!

– Похоже, твой план с коньками провалился, – сказала я, подходя ближе и разглядев неровную поверхность застывшей воды.

– А вот и нет, – заявил он. – Папа сказал, чуть дальше есть небольшой участок, где я смогу покататься. Пойдешь со мной?

– Это безопасно? – Этот вопрос я адресовала Ставру, который внушал мне доверие одним только взглядом своих карих глаз.

- Да, идите, я буду неподалеку.

Несмотря на то, что мой родной город считался северным, прежде я не сталкивалась с вечной мерзлотой и таким суровым климатом. Я поняла, что замерзла, как только Лука достал из машины коньки.

- Сколько туда идти? – спросила я, желая поскорее забраться в вездеход.
- Минут семь. Можешь остаться здесь, я схожу один.

Было неожиданно осознать, что хочу последовать за ним, несмотря на сковавший мои конечности холод. Может, так будет не всегда, подумала я, может, однажды потребность быть рядом с Лукой пропадет, как пропадает всякое чувство, которое поначалу кажется вечным.

- Ты чокнутый, – процедила я сквозь стучащие зубы.
- Это ты чокнутая, потому что оделась недостаточно тепло. Вот, возьми.

Когда он снял куртку, купленную специально для этой поездки, и протянул мне, я, не раздумывая, нырнула в нее, как в спасательный круг.

- А ты? – прошептала я наверняка посиневшими и уже успевшими потрескаться губами.
- Она все равно мне мешает, – объяснил Лука, уже стоя на льду в коньках.
- Только не вини меня, если заболеешь.
- Не буду.
- И не преследуй меня, если вдруг утонешь и станешь призраком.

– Хорошо, Полли, обещаю не мучить тебя ни при жизни, ни после нее, – заверил он меня, улыбаясь.

Я все еще не любила спорт и не понимала тех, кто им занимается, в особенности – профессионально. Мне казалось, что мое мнение изменится, как только Лука ступит на лед и покажет то, что принято называть искусством фигурного катания. Но я тоже была не из *таких* девушек. Не из тех, кто чувствует глубоко и нежно.

Лука скользил по морской глади, выполняя различные элементы, похожие на плавные танцевальные движения. Несколько раз он взмывал в воздух, а, когда приземлялся после прыжков, лед под его коньками издавал ужасающе-приятный звук. Может, моя голова получила холодовый удар, но про себя я отметила не красоту катания Луки и не его безоговорочное мастерство, а то, как сильно он возмужал за последнее время. Он был красив и без этих чудесных северных декораций, но они словно подчеркивали каждую его черту, придавая ей новую очаровательную форму.

– Как тебе? – поинтересовался закончивший кататься Лука.

– Кажется, ты очень в этом хорош.

– Ну, я очень на это надеюсь. А почему ты отказалась брать с собой коньки?

– У меня их нет.

– Тогда почему ты сказала, что... – Сделав паузу, он наклонился, чтобы переобуться в теплые ботинки. – Вернешь куртку?

– Конечно, держи.

Я увидела силуэт Ставра, призывающего нас вернуться к вездеходу, и уже собиралась двинуться в его сторону, когда заметила вопрошающий взгляд Луки, продолжающего стоять на месте.

– Нам нужно идти, – напомнила я ему, – твой папа ждет.

– Не понимаю, зачем ты соврала.

– Лука, мне холодно, – прошептала я, надеясь, что он уступит.

– Просто скажи мне.

– В детстве я часто просила родителей отвести меня на каток, но им всегда было некогда.

– Ты могла сказать, что не умеешь кататься. Зачем было врать?

– Ты спросил, возьму ли я с собой коньки. Я ответила, что нет. Где тут вранье?

– Наверное, нигде, – пожал он плечами.

– Вот именно. Теперь мы можем вернуться в машину?

– Да, но, Полли...

– Что еще? – вздохнула я.

– Ты мне не доверяешь? Поэтому не рассказываешь о своей семье?

– В моей семье нет ничего примечательного. Она развалилась так же, как тысячи других.

– Ладно, думаю, нам действительно пора уезжать.

Мне не хотелось покидать это место с тяжелым сердцем, поэтому я догнала уже сделавшего несколько шагов Луку и прижалась к его спине. Он внезапно остановился и издал шумный вздох, разрезавший обжигающий мороз.

– Спасибо, что взял меня с собой в эту поездку.

– Полли...

– Нет, слушай, – остановила его я. – Я не рассказываю о своей семье, потому что не люблю об этом говорить. Ты и твой папа помогли мне отвлечься и ненадолго забыть обо всем, что осталось дома.

– Полли...

– Прямо перед нашим отъездом, папа позвонил маме и сказал, что не сможет помочь, когда мне исполнится восемнадцать, потому что ему нужно заботиться о сыне. У нас нет никаких накоплений, а у меня плохие оценки и знания. Я никогда не поступлю на бюджет, а мама

не сможет оплачивать мое обучение. Так что, наверное, я просто... не знаю, стану кем-то... другим.

– Вы что, не видели, как я вас зову? – закричал бегущий к нам Ставр. – Посмотрите, как красиво!

– Что? – опомнилась я, обернувшись.

– Это я и пытался сказать, – прошептал Лука, смотря на светящиеся зеленые всполохи в небе. – Северное сияние.

– Вы же говорили, – обратилась я к Ставру, – что мы вряд ли его увидим.

– Да, но я рад, что ошибся, – ответил он, улыбаясь.

Мы добрались до вездехода и, забравшись внутрь, любовались свечением, становящимся все более ярким с каждой минутой, приближавшей солнце к заходу. Когда оно окончательно скрылось за горизонтом, мы с Лукой снова вышли на улицу, чтобы напоследок еще раз взглянуть на завораживающие вспышки света и вдохнуть северный воздух.

– Это чудо, – сказал Лука. – То, что мы видим. То, что мы вообще приехали сюда. И то, что ты... тоже здесь.

Меня сковало внезапное волнение, и я не нашла слов, чтобы ему ответить, хотя думала о том же самом. В жизни не так много дивных моментов, но это определенно было оно. Самое настоящее чудо.

Лука. Октябрь 2023 год

Уже и не помню, когда именно начал скучать по дому.

Может, в день, когда получил травму, которая поспособствовала завершению моей спортивной карьеры. Вошедший в палату врач произнес короткое: «Мне жаль», а затем рядом возник тренер и в его глазах читался ужас.

– Это очень сложный перелом, Лука. Восстановление будет... долгим.

Теперь я понимаю, что он хотел сказать совсем другое, но у него не хватило решимости отнять у меня надежду на будущее, в котором я продолжаю подниматься на пьедестал почета.

Может, это случилось в день, когда я расстался с Ингой, в отношениях с которой прятался от правды, которую не мог принять. Она видела во мне чемпиона, смотрела так, как уже перестали смотреть другие. Я вдохновлял ее, она называла меня своим компасом в мире фигурного катания. Мне льстил ее восхищенный взгляд, но человек, которого она полюбила, рассыпался на части и не знал, как заново слепить этот разрушенный песочный замок.

– Ничто не должно отвлекать меня от тренировок, – сказал я ей. – Думаю, нам лучше прекратить эти отношения.

– Но это же не навсегда? Ты восстановишь форму, и мы снова будем вместе?

– Вряд ли. На кону мое будущее, понимаешь?

Она не понимала. Не только потому, что никогда не становилась первой, но еще и потому, что жила чувствами, и люди для нее были превыше всего остального.

Может, дело в случае, который поставил под угрозу мою репутацию. Кто-то распустил слухи о нашем с Ингой романе, который на тот момент уже закончился, и общественности не понравилось, что начинающий хореограф-постановщик встречался с одной из своих нынешних подопечных. Никого не волновало, что на момент наших отношений я еще не завершил карьеру и был таким же фигуристом-одиночником, как Инга.

– Родителям детей и подростков, которые у нас тренируются, не нравится, что ты здесь работаешь, – заявила Марина, тренер, которая наняла меня на работу в свой штаб. – Они думают, что ты можешь пользоваться положением и позволять себе лишнее.

– И это все из-за моих уже закончившихся отношений с Ингой? Но ведь она совершеннолетняя, почему мне нельзя было с ней встречаться? Где тут связь?

– Лука, пойми, родители имеют право на опасения. Тебе бы понравилось, если бы твоей дочери ставил программы человек вроде тебя?

– Вроде меня? – переспросил я, не понимая, что такого непозволительного совершил и за что меня судят.

– Как бы там ни было, вокруг тебя слишком много шумихи и некрасивых сплетен. Поэтому Федерация фигурного катания приняла решение провести внутреннюю проверку.

– А мне что делать?

– Продолжать работу над новыми программами, но есть вероятность, что на какое-то время тебя отстранят.

Я по глупости расстался с той, в кого был влюблен, вынужденно завершил карьеру из-за невозможности тренироваться дальше, и мог лишиться работы, которая стала моей отдушиной, и все из-за каких-то нелепых слухов и надуманных опасений.

Все закончилось лучше, чем я мог надеяться. Меня отстояли друзья-фигуристы, публично выразившие протест из-за моего необоснованного отстранения, и Федерация позволила мне вернуться к работе. Меня так сильно переполняло чувство благодарности, что я не сразу понял, как сильно это ударило по моему состоянию. Я приезжал на арену, выходил на каток и продолжал ставить ученикам программы, делая вид, что вовсе не чувствую себя так, будто меня извалили в грязи.

А может... может, я понимаю, как скучаю по дому, когда сталкиваюсь с Полли во второй раз за пару месяцев.

Это происходит в день рождения Эмилии, еще одной фигуристки из нашего тренерского штаба. Она была первой, кто за меня заступился, когда я оказался в непростой ситуации. Я считал, что согласился снова прийти в бар «Наши черничные ночи» из уважения и чувства благодарности к Эми, но, вероятно, мне хотелось еще раз увидеться с Полли.

Пока Эмилия стоит на небольшой сцене и произносит долгую речь, обращаясь ко всем близким, я судорожно ищу ее взглядом. Мимо проходит официантка, с которой я танцевал на костюмированной вечеринке, проходившей здесь в прошлый раз. Она подмигивает мне и предлагает ярко-голубой коктейль, но я отказываюсь, устыдившись своего недавнего поступка.

– Не думал, что опущусь до чего-то подобного, – признался я Инге, когда мы уходили с костюмированной вечеринки.

– Ты о танце с официанткой? – быстро догадалась она.

– Да.

– Хотел позлить Полли?

– Не знаю.

– Ты всегда все знаешь, просто не решаешься озвучить.

– Эта девушка дала мне свой номер.

– Надеюсь, ты ей позвонишь, потому что с Полли тебе явно ничего не светит. Я никогда не видела ее такой расстроенной, как после вашего разговора. Расскажешь, что между вами произошло?

– Ничего такого. Я уехал, она осталась. Вот и все.

Конечно, это было не все. Наша с Полли история не могла уместиться в одно предложение. Я не говорил о ней с тех пор, как переехал, и никто из моего здешнего окружения ничего о ней не знал.

И вот она протягивает мне микрофон, чтобы я мог ответить Эмилии, поблагодарившей меня за дружбу и новые соревновательные программы. Непроизвольно дернув головой, я принимаю микрофон из рук Полли и быстро отвечаю фигуристке:

– Спасибо, Эми. Ты сегодня необычайно щедра на комплименты.

Она говорит мне что-то еще, но я уже ничего не слышу – мое внимание приковано к продолжающей стоять рядом Полли. Она смотрит на сцену и улыбается, и мне вдруг кажется, что я совсем ее не знаю. Из чего состоит ее жизнь, с кем она дружит, с кем делит постель?

– Ты должен вернуть Феликсу его обувь, – неожиданно говорит она мне. – А носки можешь оставить себе, у него их все равно целый ящик.

– Извини, совсем про это забыл. Я занесу ее завтра.

– Отлично, – кивает Полли.

– Я ничего не имею против твоей работы, – объясняю я свою недавнюю реакцию. – Инга рассказала мне о том, как много ты делаешь для этого бара.

– Этот бар – мой дом. А работающие здесь люди – моя семья. И я не хочу, чтобы ты относился к нам со снисхождением.

– Я и не отношусь, – возражаю я. – Мне здесь правда нравится. Инга сказала, вы много трудились, чтобы сделать это место таким.

– Так и есть. Значит, вы с Ингой встречались? – интересуется она, скрестив руки на груди.

– Какое-то время, – подтверждаю я. – Сейчас мы хорошие друзья.

– Прямо как мы когда-то.

– Полли...

– Мне нужно работать. Наслаждайся праздником, Лука.

Удивительно. Я нашел в себе смелость уехать и стать чемпионом, но сейчас не нахожу слов для той, кто подарила мне нечто большее, чем золотые медали.

Ко мне снова подходит официантка, с которой я танцевал в прошлый раз, и предлагает трехцветные шоты. Я настолько раздосадован и разочарован самим собой, что готов влить в себя любое пойло, и неважно каким оно окажется на вкус.

– Ух ты! – восклицает девушка, когда я опустошаю все рюмки, что стояли у нее на подносе. – Может, принести чего-то покрепче?

У нее карие глаза, густо подведенные ярко-розовым карандашом – в тон ее кожаной мини-юбки. Я опускаю взгляд на ее загорелые ноги и сдаюсь.

– Виски. И можно еще раз твой номер?

Воспоминания Полли. 2014 год

Снежная сказка осталась позади, где-то там на берегу замерзшего моря, и мы снова вернулись в реальность. Лука – к тренировкам, я – к нескончаемым разговорам с мамой о моем будущем.

– Тебе стоит учиться усерднее, – настаивала мама, стоило мне оказаться в пределах ее видимости. – Ты совсем не стараешься, будто тебе нравится сценарий, по которому развивается твоя жизнь. Хочешь до конца своих дней просидеть в этом городе, где скоро станет нечем дышать?

Я перевела взгляд на окно. Небо заволочло плотной темной дымкой – накануне снова объявили режим «Черное небо». Прежде меня не смущали ни сильный смог, ни запах гари, въедающийся в кожу, но наша северная поездка что-то переменяла. Я вспомнила о кристально чистом воздухе и об огромной льдине, похожей на маленький арктический остров.

– Ау, Полли! Ты меня слушаешь? – недовольно вопрошала мама, пока я продолжала грезить о северном сиянии и Луке, взмывающем в воздух.

И хотя мы разделили одно на двоих северное путешествие, оно не смогло переплести наши судьбы. Чем выше он поднимался и чем особеннее становился, тем зауряднее и скучнее выглядела моя жизнь.

– В следующем году у меня будет возможность потренироваться у именитого тренера, – признался Лука незадолго до моего шестнадцатилетия. – Но для этого придется поехать в столицу.

– Так далеко, – тихо вздохнула я. – Это надолго?

– Пока не знаю. Обычно такая стажировка длится пару недель, но иногда... все идет не по плану.

– Что это значит? Ты можешь задержаться на месяц или два?

– Если все пройдет хорошо, я могу остаться там насовсем.

– Как это? Ты уедешь и не вернешься? Я тебя больше не увижу?

– Эй, я же еще никуда не уехал, – напомнил Лука, но это не могло изменить зародившегося в сердце чувства скорой разлуки.

Я размышляла о том, будет ли его переезд считаться потерей, и вправе ли я говорить, что лишилась друга, если он продолжит жить в трех тысячах километров от меня.

– Не расстраивайся раньше времени, – велела мне мама, когда я за ужином пересказала ей разговор с Лукой. – Думаешь, его там прям ждут с распростертыми объятиями? Съездит, посмотрит город и вернется к тебе под бок.

– Ты не права, – возразила я, отпив клюквенного морса. – Его место среди лучших.

– Твои слова да Богу в уши. Авошь забрал бы тебя с собой.

– Да, мам, я же вещь какая-то.

– Не придирайся к словам, ты прекрасно поняла, о чем я.

– Не-а, – покачала я головой, – я тебя вообще редко понимаю.

– Я о том, что из вас получится отличная пара, – заявила она, и я поморщилась. – Что ты кривишься? Будто сама не знаешь. Вы же как неразлучники, постоянно вместе. Я только и слышу: «Лука то, Лука се». У тебя потому с учебой и не ладится, что ты не о том думаешь.

– Как скажешь, мам, – фыркнула я, поражаясь тому, как однобоко она мыслит.

– А что насчет его семьи? – продолжила она. – Они поедут с Лукой, если ему придется переехать?

– Он еще никуда не уезжает.

– И все же. Его отец живет в тундре. Вряд ли он переберется в большой город. И я немного общалась с его матерью. Мне показалось, что она сильно привязана к этому месту.

– К чему ты ведешь, мам? – устало уточнила я.

– Лука будет там совсем один. Ему точно не помешает твое присутствие.

– Пожалуйста, скажи, что ты это не серьезно.

– Конечно, серьезно. Я пытаюсь устроить твою жизнь, если ты не заметила. Что тебя ждет, если ты останешься здесь, да еще и без должного образования? Страшно представить, Полли. Я даже думать об этом не хочу.

– Если тебя так пугают необразованные люди, зачем ты вышла замуж за папу?

Она ошетибилась и едва не стукнула меня ложкой по лбу, но вовремя взяла себя в руки. Заправила редкие русые волосы за уши, откашлялась, подняла голову и фальшиво улыбнулась. Так она показывала, что у нее все под контролем, но я-то знала, что это и близко не так. Развод превратил ее в нервную, грызущую ногти женщину, в которой с трудом угадывалась моя прежняя мама.

– Есть такая штука, Полли, – проговорила она, сощурившись, – называется любовь. Когда Лука позовет тебя с собой, не упusti свой шанс.

Мы редко ссорились, хотя наше общение состояло из противоречий. Мне всегда было что ответить, и я точно знала, как выиграть в затеянном мамой споре. Она называла меня разумным подростком, и я старалась соответствовать этой характеристике. Мне казалось чем-то немыслимым портить отношения с единственным оставшимся рядом близким человеком, но после этого разговора я впервые захотела действовать ей наперекор. Разочаровать, подвести, не оправдать ее пустых надежд, упасть ниже, чем она может вообразить. Что угодно, только бы она поняла, как сильно была не права.

Любовь, о которой говорила мама, долгое время оставалась мне чуждой. Незнакомое чувство, толкающее людей на безумства. Разве могла я возжелать чего-то подобного? Может, учителя и не считали меня одаренной, но и душой я никогда не была.

– Ты когда-нибудь влюблялся? – спросила я как-то у Луки во время большой перемены. Он пил сок из небольшого пакета и едва не поперхнулся от неожиданности.

– Ну и вопросы у тебя. – Его застенчивая улыбка ответила за него.

– Значит, нет. Ну а нравился кто-нибудь?

– Да что ты ко мне пристала?! – возмутился он, бросив пакет в мусорное ведро, стоящее в углу школьного кабинета.

– Это простой вопрос, Лука, давай отвечай.

– Не буду я тебе ничего отвечать. – Его и без того всегда румяные щеки залила яркая краска, превратившая его лицо в спелый гранат.

– Моя мама считает, что мне нужно в тебя влюбиться, – заявила я, не обращая внимания на его реакцию. – Но это же бред.

– Почему нет? – вдруг оживился Лука. – Со мной что-то не так?

– Да много что не так, – хмыкнула я.

– Например?

Возмущение в его голосе не на шутку меня раззадорило. Я достала из пенала шариковую ручку и принялась рисовать в воздухе воображаемые пункты «против».

– Во-первых, ты спортсмен и постоянно пропадаешь на тренировках. Будь у тебя девушка, она бы всегда была на втором месте.

– Это неправда, – поспорил он, но в его взгляде отчетливо сияло сомнение.

– Во-вторых, ты уедешь. Может, не в следующем году, но это все равно произойдет.

– И снова неправда. Еще ничего не решено.

– В-третьих, мне нравится с тобой дружить. После развода мои родители стали друг другу совсем чужими. А я такого для нас не хочу.

– О чем ты там болтаешь? – спросил Макар, сидящий передо мной.

– Не твоего ума дело, отвернись, – велела я ему и уже хотела возвратиться к разговору с Лукой, когда он вдруг перехватил мою руку и потянул на себя. – Ты что делаешь, придурок, а ну отпусти!

– А ты прекрати с ним общаться, а то у самой скоро вырастут рога, – выпалил Макар, и я, не задумываясь, отвесила ему звонкую пощечину.

– Еще раз так скажешь – и я тебя прикончу, – пообещала я, со злорадством разглядывая его покрасневшую щеку.

– Долго еще собираешься за ним бегать? – ухмыльнулся он, смотря на Луку позади меня. – Ну, удачи тебе с этим.

После школы Лука всегда спешил на тренировку, но в этот раз изъявил желание проводить меня до дома.

– Это еще зачем? – удивилась я, когда мы вышли через главные двери и направились к пятиэтажке из красного кирпича.

– Хотел спросить, считаешь ли ты меня трусом.

– Чего? – моргнула я несколько раз. – Конечно нет!

– Я с детства в спорте, не привык драться. А за тот случай, когда я набросился на Макара с кулаками, мне до сих пор стыдно. Да и ты тогда могла пострадать.

– Слушай, – вздохнула я, остановившись посреди узкой улочки, ведущей прямо к моему дому. – Макар с Сережей придурки, но мы учимся вместе с самого первого класса. Я просто жду, когда они это перерастут и снова станут нормальными. Но есть вероятность, что мы этого уже не увидим.

– Значит, вы дружили, пока я не перевелся в вашу школу?

– Говоришь так, будто рассорил нас.

– А я рассорил? – не унимался Лука.

– Нет. Я же сказала, что они придурки.

– Ладно, – сказал он после недолгой паузы.

– Ладно, – повторила я за ним.

– Полли, – позвал он меня.

– Что?

– Я был бы рад, если бы ты в меня влюбилась.

– Правда? – Я непроизвольно задержала дыхание и устыдилась собственной реакции на его слова.

– Да, но ты права.

– Права? – переспросила я, не сразу поняв, о чем он говорит.

– Да, по всем пунктам.

– А, ясно, – кивнула я, вспомнив обо всех «против», которые озвучила во время большой перемены. – Ну, тогда обещаю в тебя не влюбляться.

– Полли, ты мой самый лучший друг.

– А ты мой. – Я заставила себя улыбнуться, потому что чувствовала, что так надо.

Даже самый большой профан в любви, коим я всегда и являлась, понял бы, как жалко и неправдоподобно прозвучали мои слова. Я сблизилась с ним достаточно сильно, чтобы осознать весь масштаб этой треклятой глубокой привязанности. Пройдет время и моей самой заветной мечтой станет освобождение от воспоминаний о Луке. Да только ничего у меня не выйдет.

Лука. Ноябрь 2023 год

Четвертый этап Гран-при проходит в нашем с Полли родном городе. Меня размещают в гостинице по соседству с Ингой и Эмилией – вечными соперницами и подругами. Пока я разбираю сумку, они о чем-то громко болтают, видимо, сидя прямо за стеной моего номера.

Преследовавшая меня тоска по дому рассеялась, стоило мне выйти из самолета и вдохнуть знакомый тяжелый воздух. Схожие чувства я ощутил, когда мы вернулись из нашей северной поездки. Папа тогда почти сразу вернулся в тундру – он не мог подолгу оставаться в больших городах, говорил, что они тяготят его сердцу и душу. Мне хватило короткого, почти мимолетного знакомства с жизнью вдали от цивилизации, чтобы понять, о чем он толковал все эти годы, оправдывая свой уход.

Путь, который я выбрал, обязывал стремиться к лучшим условиям, но мысленно я всегда оставался где-то там – на берегу замерзшего моря или в тундре, где жил отец. Слушая разговоры о домашних животных, которых держали другие фигуристы и тренеры, я думал об олене, которого назвал в честь Полли, и мечтал увидеть их обоих.

Воспоминания о нашей поездке посещали меня каждый раз, когда я оказывался на льду, и они удивительным образом придавали мне сил. Находясь вдали от всех, кто мне дорог, я спасался надеждой на скорое возвращение, но затем мной овладел нешуточный азарт и желание стать лучшим. Никогда не думал, что окажусь настолько жадным до славы и зрительской любви, но именно они, в отсутствие поддержки близких, подстегивали меня на результат.

Звонок от мамы прерывает череду мыслей в моей чугунной после перелета голове.

– Вы уже приземлились? – первым делом интересуется она.

– Да, мы уже в гостинице. Немного отдохнем и поедem на арену, нужно провести вечернюю тренировку и решить, какой контент заявлять на завтрашний старт.

– Они же хорошо готовы? Я собираюсь прийти посмотреть.

– Инга в превосходной форме. Мне кажется, в лучшей за всю ее карьеру. Эмилия тоже молодец, хотя мы слегка упростили ее контент.

– Волнуешься? – тихо уточняет мама. – Ты ведь впервые сопровождаешь своих подопечных.

– Все нормально, мне повезло, что я здесь с Ингой и Эми.

– Да, точно, они уже взрослые. Пожелай им удачи от меня.

– Обязательно, мам.

– Ты же заедешь перед отъездом?

– Постараюсь, но не знаю, успею ли, – честно отвечаю я, хотя понимаю, как сильно ее раздражают мои отказы.

– Лука, – вздыхает она, – не будь упрямым, мне очень нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось? – вздрагиваю я.

– Не совсем, но это важно. Приезжай сразу после проката произвольных, хорошо?

– Мам, ты меня пугаешь, – говорю я, все сильнее сжимая рукой телефон. – Что-то с папой?

– Лука, я хочу поговорить с тобой об этом лично. Не переживай, мы с твоим отцом в порядке.

– Тогда что... – Меня перебивает громкий стук в дверь. – Ладно, мне пора, поговорим, когда я приеду.

– Отлично, до встречи!

Стоящая на пороге Инга начинает тараторить о качестве воды в их душевой и о жесткости матраса, на котором ей придется спать целых три дня. Жестом пригласив ее войти, я возвращаюсь к сумке, попутно думая о разговоре с мамой.

– Твоя кровать кажется гораздо удобнее, – говорит Инга, развалившись в позе звезды. – Махнемся номерами?

– Ну уж нет, – качаю я головой.

– У тебя больная спина, Лука.

– И что?

– А то, что тебе нельзя спать на таком мягком матрасе. Ты же не хочешь завтра проснуться с болями в шее и пояснице? Уверена, что нет.

– Ты такая заботливая, – ухмыляюсь я.

– Так и есть, – кивает она, – так и есть. Так что, помочь тебе перенести вещи в соседний номер?

– Я смотрю, ты в хорошем настроении. – Я сажусь в небольшом кресло, стоящее в углу просторного светлого номера. – Совсем не устала после перелета?

– Ни капельки, хоть сейчас вези меня на лед катать произвольную.

– Ну надо же, какая прыть. – Тихо рассмеявшись, я тут же сникаю.

– О чем думаешь? – спрашивает Инга, севшая в позу лотоса. – Ты какой-то не такой с тех пор, как мы сели в самолет.

– Не знаю. Может, слишком много воспоминаний об этом городе...

– Точно, – кивает она, – ты же здесь родился.

– Это неправда, – признаюсь я, хотя до сих пор предпочитал скрывать обстоятельства своего рождения. – Мама родила меня в тундре, прямо в чуме, где живут оленеводы.

– Это шутка? – хмурится она.

– Нет. Мама целый год прожила с отцом, кочуя по тундре.

– Твой отец – кочевник?

– Да, он и вся его семья – оленеводы. Маме не подошел их образ жизни, поэтому она вернулась в город.

– Вместе с тобой?

– Да.

– И как на ваш переезд отреагировал отец?

– Он продержался полгода, после чего оставил все, чем жил, и приехал к нам, – рассказываю я. – Он любил и меня, и маму, но ему была невыносима городская жизнь. Так что, когда мне было семь, он вроде как слетел с катушек и тайне от мамы увез меня в тундру, где я провел целых пять месяцев.

– Лука, – мягко улыбается Инга, – ты прикалываешься надо мной?

– Это чистая правда.

– И как это было? Он же как бы... ну... похитил тебя.

– Мы постоянно переходили с места на место, поэтому нас не могли найти. Я был счастлив, что не пошел в первый класс и что мы с папой отправились в путешествие. Но я постоянно мерз и думал о маме, часто плакал и отказывался от еды. Какое-то время мне помогали разговоры с отцом и люди, которые нас окружали. Я познакомился с большим количеством родственников, они учили меня собирать и разбирать чум, рассказывали, как готовят оленей к ежегодным гонкам. Мне нравилось играть с двоюродными и троюродными братьями и сестрами, а еще я любил природу, которая нас окружала. Каждый вечер за ужином мы собирались в самом большом чуме и говорили о том, как прошел день. Я любил слушать об их планах и чувствовать себя частью этого мира. Но в какой-то момент тоска по маме победила всю радость, что давала мне жизнь в тундре. Тогда у папы не осталось выбора – ему пришлось вернуть меня домой.

– Почему ты никогда об этом не говорил? – удивляется Инга.

– А разве не понятно? – усмехаюсь я. – Мои родители – чертовы безумцы. Мама много раз уезжала в тундру, оставляя меня с бабушкой на несколько месяцев. Чаще всего из такой

поездки она возвращалась вместе с отцом, который клялся, что в этот раз точно готов к городской жизни. Шли годы, а они то сходились, то расходились. Когда мне исполнилось пятнадцать, папа снова уехал к своим оленям, а мама перевела меня в новую школу – дабы я смог начать все с чистого листа. Ты даже не представляешь, как меня утомляла их драма. Если бы не бабушка, которая отвела меня на фигурное катание, я бы точно свихнулся.

– Могу представить, – кивает Инга. – Теперь понятно, почему у тебя такое лицо.

– Когда ты постучала в дверь, я как раз говорил с мамой.

– О чем?

– Сам не знаю. Попросила заехать к ней перед отъездом.

– Думаешь, она снова уезжает жить в тундру?

– Не удивлюсь, если так и есть, – улыбаюсь я, расслабившись. – Спасибо, что выслушала.

Мне нужно было выговориться.

– Всегда пожалуйста, Маленький принц. – Подмигнув, Инга поднимается с кровати и направляется к выходу. – Странно, но твой рассказ нагнал на меня сонливость, пойду подремлю перед тренировкой.

– Я зайду за вами, когда нужно будет выезжать.

– Спасибо, – кивает она и, уже стоя в дверях оборачивается, чтобы сказать: – и помни – ты самый лучший хореограф на свете.

Воспоминания Полли. 2015 год

Мне никогда не нравилась Нэл, и я искренне не понимала, как она может быть матерью Луки. Беспечная, со штормовым ветром в голове, а еще вечная заложница своих эмоциональных порывов.

– Это и привлекло бедного Ставра, – сказала мне как-то мама. – Он привык к размеренной и предсказуемой жизни, а Нэл внесла в нее смуту. Такие люди сродни наркотикам. А те, как известно, имеют свойство убивать.

В десятом классе я стала замечать, что Луку тянет к людям, похожим на Нэл. Он начал встречаться со взбалмошной Крис, поведение которой вымораживало меня за одну тысячную секунды. Каждый раз, когда она находилась в радиусе моей видимости, мне хотелось стукнуть ее длинной деревянной линейкой. Но Лука души в ней не чаял – растекался лужицей от одной ее только улыбки.

– Ну что, увели твоего парня? – спросил Макар, поймавший мой убийственный взгляд в сторону новоиспеченной парочки.

– Ой, хоть ты помолчи, – прошипела я и, дабы придать себе грозный вид, все же достала из пенала линейку.

– Знаешь, а я даже понимаю, что он в ней нашел, – продолжал одноклассник.

– Да ну? И что же?

– Сама посмотри, – кивнул он в сторону Крис. – Она разве что в рот ему не заглядывает, когда он говорит. Кажется, наш олененок любит внимание. Может, это от недостатка родительской любви?

– Тебе обязательно быть таким козлом? – возмутилась я, поражаясь тому, что он никогда не упускает возможности сказать гадость в адрес Луки.

– Что я могу сделать, если он меня бесит? – невинно пожал он плечами. – А еще больше бесит, как ты за ним бегаешь.

– Прекрати так говорить.

– Почему? Это же правда. Он и в ту поездку позвал тебя из жалости, а ты и правда поехала. Неужели ты ничего не видишь?

– Я вижу перед собой редкостного придурка! – воскликнула я, и на меня обернулся весь класс, включая Луку. Он бросил в мою сторону настороженный взгляд, но так и не подошел, предпочтя продолжить разговор с Крис и другими одноклассниками. Наверное, Макар прав, и ему нравится быть в центре внимания, но остальное просто не может быть правдой. – Ты заблуждаешься. А еще ничего не знаешь. Ни о Луке, ни обо мне.

– Я знаю тебя десять лет, Полли.

– И что же ты знаешь? – усмехнулась я. – Какая у меня оценка по географии или что я была без формы на физкультуре?

– Это тоже, конечно, но еще и другое. Например, я знаю, что в четвертом классе ты опрокинула на себя кастрюлю с кипятком и целый месяц лечилась от ожогов.

– Верно, – подтвердила я. – И это все?

– Помнишь ту корзинку, которую тебе принесла наша учительница?

– Конечно.

– Мы с Сережей собрали ее специально для тебя.

– Я этого не знала, почему она мне не сказала? – удивилась я.

– Наверно, решила, что лучше дарить ее от якобы всего класса.

– Надо было сказать мне, когда я вернулась в школу.

– Зачем? Мы хотели поднять тебе настроение, а не получить благодарность.

– Если не хотел, чтобы я была благодарна, зачем рассказал об этом сейчас? – парировала я, втайне растрогавшись из-за их поступка.

– Пытаюсь доказать, что знаю тебя лучше оленьего сына, – объяснил Макар, сохраняя серьезное выражение лица. Что-то в его взгляде заставило меня смутиться, и я поспешила перевести тему.

– Можешь не продолжать свой доклад о моей жизни, тебе все равно меня не переубедить.

– Уверена?

– Абсолютно. Все факты, которые ты назовешь, известны тебе только по одной причине.

– По какой?

– Мы одноклассники и знакомы десять лет.

– Думаешь, все одноклассники знают, что ты боишься учителя по биологии, что ты обожаешь лазание по канату, что ты никогда не берешь столовский компот из сухофруктов, что иногда ты прогуливаешь последние уроки, чтобы поскорее посмотреть новую серию «Милых обманщиц», что ты не любишь, когда идет снег, что ты всегда списываешь во время тестов по истории и что хранишь шпоры в одном и том же месте.

– В каком месте?

– Твои вязанные гетры, – улыбнулся он, явно довольный собой.

– Впечатляет, конечно, но это обычная наблюдательность, – отмахнулась я.

– А еще я умею слушать, – дополнил Макар.

– Да-да, можешь собой гордиться. Хочешь напечатаю тебе грамоту, как лучшему сталкеру в школе?

– Какая же ты дура, Полли. – Покачав головой, он фыркнул и отвернулся.

Я так и не поняла, собиралась я его окликнуть или нет. Прозвенел звонок, Лука распрощался со своей ненаглядной и, сев рядом, поинтересовался, все ли у меня в порядке. Спина сидящего передо мной Макара напряглась, и мне вдруг захотелось его коснуться. Он действительно меня знал. Гораздо лучше, чем Лука и остальные одноклассники. Я вырвала листок из бумаги и написала на нем послание, которое не могла произнести вслух:

Помнишь ты спросил, не рассорил ли ты меня с Макаром?

Лука достал ручку и быстро написал мне ответ:

Да. Почему ты спрашиваешь?

Я снова перевела взгляд на спину Макара и, улыбнувшись, добавила еще одно предложение:

Думаю, когда ты уедешь, мы можем снова стать друзьями.

Я не подумала о том, как Лука воспримет мои слова. Мы часто говорили о его возможном переезде, гадая, что в этом случае станет с нами: сможем ли мы поддерживать связь на расстоянии, будет ли у него время на переписки и созвоны, не накроет ли меня депрессия после выпуска из школы и устройства на первую в жизни работу. Я ни в чем не была уверена и в какой-то момент просто-напросто устала об этом думать. День, когда Лука сядет в самолет и отправится на двухнедельную стажировку, приближался, а вместе с ним росло мое желание отстраниться. Подсознательно я пыталась отвыкнуть от Луки еще до того, как он меня покинет, и ничего не могла с этим поделать – слишком свежи были воспоминания о разлуке с отцом.

– Не терпится от меня избавиться? – вслух поинтересовался Лука, демонстративно порвав листок, на котором мы переписывались. – Ну, тогда у меня для тебя хорошие новости. Вчера мне сказали, что стажировка продлится два месяца. Если все пройдет хорошо, одиннадцатый класс я буду заканчивать уже не здесь.

– Два месяца? – переспросила я, растерявшись, потому что он должен был улететь всего лишь на две недели в июне. – До августа?

– Как хорошо все складывается, да? – с обидой в голосе уточнил он.

Вошедший в класс учитель не дал мне ничего ответить. Весь урок физики я так и просидела с понуренной головой, с непониманием собственных чувств. Часть меня действительно хотела приблизить неизбежное расставание с Лукой, смириться с этим и жить дальше. Но другая часть меня отказывалась принимать происходящее и не желала его отпускать.

– Пострадаешь и успокоишься, – сказала мне мама незадолго до отъезда Луки.

– Я не хочу ни по ком страдать. Это глупо.

– Ну так и не страдай, если сможешь.

– Смогу, – уверенно заявила я, мысленно представляя себе будни без общения с Лукой.

Некоторые люди, сами того не понимая, наполняют нашу жизнь смыслом. Мы просыпаемся с улыбкой на губах из-за предвкушения скорой встречи, мы садимся в автобус и всю дорогу представляем наш разговор, мы пробиваемся сквозь толпу, чтобы взять их за руку, мы запоминаем шутки, над которыми смеемся, чтобы потом пересказать их любимым, мы превращаемся в воинов, когда необходимо их защитить, мы находим в себе силы бороться, когда хочется сдаться, мы смотрим кулинарные шоу, чтобы удивить их и побаловать, мы наполняем корзину подарками, хотя на самом деле желаем подарить им целый мир.

Моя жизнь нуждалась в наполнении чем-то хорошим, и вселенная щедро одарила меня знакомством с Лукой. Но чего я никак не могла понять, так это зачем давать то, с чем все равно придется расстаться?

– Извини, что нагрубил, – извинился Лука после той нашей стычки. – Просто мне страшно уезжать и хочется, чтобы ты меня отговорила.

– Отговорила? – переспросила я. – Разве ты не хочешь, чтобы все получилось, и ты смог тренироваться у того мужчины?

– Не знаю, Полли. Это совсем другая жизнь, а я только привык к этой.

– Может, если ты там останешься, твоя жизнь станет еще лучше, – искренне сказала я, потому что именно такой участи я ему и желала. – Начнешь выигрывать соревнования, разбогатеешь, купишь дом, а в отпуске будешь приезжать к нам в гости и ворчать, какой ужасный у нас здесь воздух.

– И давно ты стала такой оптимисткой? – улыбнулся Лука.

– Я всегда оптимистка, когда речь о тебе, – честно призналась я. – Лука?

– Да?

– Ты же скажешь мне, если решишь не возвращаться?

– Конечно. Ты будешь первой, кому я скажу, – пообещал он, и я поверила.

Лука. Ноябрь 2023 год

Оказавшись дома, я прокручиваю в голове события прошедших дней и не знаю, какое из них потрясло меня сильнее.

Эмилия впервые проиграла Инге и стала второй по сумме двух программ. Я так привык к ее безупречным прокатам и постоянным победам, что, увидев итоговую таблицу, ненадолго потерял дар речи. К счастью, она совсем не расстроилась и, кажется, искренне порадовалась за Ингу, которая впервые получила золотую медаль на этапе Гран-при.

– Поздравляю, – сказал я, когда они вернулись после награждения, – вас обеих.

– Гордишься нами? – ухмыльнулась Инга, демонстрируя шею, украшенную золотой наградой.

– Конечно. – Я сгреб ее в объятия и поцеловал в рыжую макушку. – Эми, ты как?

– Давненько я не получала серебряных медалей, – ответила она, – и уже успела немного соскучиться по вторым местам.

– Ты молодец.

Эми кивнула и, с нежностью погладив платье черного лебедя, которое сшили по ее собственному эскизу, ушла на пресс-конференцию.

– Я тебя догоню! – крикнула ей вслед Инга и тут же переключилась на меня. – Если бы не твоя гениальная короткая программа, в которой я получила огромный запас баллов, ничего бы не вышло.

– Судьи выставили те баллы, которые ты заслужила. Презентация программы была на высочайшем уровне. Не каждый смог бы ее так откатать, к тому же...

– Лука, – остановила она меня, – помолчи. Если ты не заметил, я пытаюсь сказать тебе спасибо.

– Да ладно тебе. Это же моя работа, – растерялся я.

– Мы оба знаем, что ты до сих пор не смирился с окончанием твоей спортивной карьеры.

– Инга...

– Нет, дослушай, – попросила она меня, и я умолк. – Ты был моей путеводной звездой, когда катался. И продолжаешь ей быть сейчас, когда стал хореографом-постановщиком. Ты не перестал создавать искусство, просто сменил направление. Так бывает. Пожалуйста, прими это и прекрати жить прошлым.

– Я не могу с этим смириться, – покачал я головой, – пока нет.

– Тогда мы продолжим побеждать, катая поставленные тобой программы, до тех пор, пока ты не осознаешь, что обрел новый смысл жизни.

– Ладно, – согласился я, с трудом сдерживая слезы.

Мы встречались не так долго и не успели разделить моменты печали. Наши отношения видели радость и надежду, но не крах и отчаяние. А теперь, когда мы уже не вместе, наша дружба становится крючком, за который цепляется мое сердце, готовое разорваться от переживаний.

Честно говоря, слова Инги потрясли меня гораздо сильнее, чем ее золотая медаль.

А потом случился разговор с мамой и внезапно оказавшимся дома отцом.

– Что происходит? – первым делом поинтересовался я, увидев их вместе.

– Поздравляем твоих подопечных с медалями, сынок, – сказал папа, проигнорировав мой вопрос.

– Проходи, пожалуйста, мы приготовили ужин, – попросила мама и, быстро чмокнув меня в обе щеки, убежала на кухню.

– Пап, – вздохнул я, – вы что, снова сошлись?

– Снимай куртку, мой руки и приходи за стол.

Проводив его недоумевающим взглядом, я едва не ругнулся, потому что чертовски устал от игр, которые они ведут на протяжении всей моей жизни. Неужели я один понимаю, что они из разных миров и никогда не смогут жить в согласии?

– Ну? – обратился я к родителям, когда мы устроились за столом. – Говорите, что случилось.

– Ты же помнишь, что полгода назад твой отец проходил обследование в частной клинике? – начала мама и, дождавшись моего кивка, продолжила. – Сначала врачи решили, что у него сезонная крапивница. Но потом мы съездили к еще одному специалисту, и он смог определить истинную причину этих высыпаний на коже. Все оказалось несколько сложнее, чем мы думали.

– Пап, ты что, умираешь? – испугался я.

– Нет-нет, – покачал тот головой. – Выяснилось, что у меня аллергия на холод.

– Э-э-э, – протянул я, – а такое бывает?

– Холодовая аллергия – довольно редкое явление. Ученым до сих пор не известны точные причины ее возникновения, но это такая же болезнь, как и все остальные. В холодные месяцы нужно пить антигистаминные препараты, без них появляются высыпания и отеки. А ещё нужно исключить из рациона холодные напитки и блюда. Это очень серьезно, но у нас все под контролем.

– Что это значит? – нахмурился я, не понимая, как они могут контролировать болезнь, которая толком не изучена.

– Ставр больше не будет жить в тундре, – заявила мама. – Это слишком опасно.

– И ты с этим согласен? – повернулся я к папе, не раз говорившему мне, что он не мыслит жизни без родных просторов и своих оленей.

– Кажется, у меня нет выбора, – улыбнулся отец. – Я живу здесь уже полгода, и за это время начал понимать, почему мой организм так решил.

Заметив, как он любит мамой, я чуть не подавился возмущением.

– Вы правда думаете, что это сработает?

– Что именно, сынок? – уточнил папа.

– Ваше воссоединение. Я сбился со счета, сколько раз это происходило. Но каждый раз все заканчивалось одинаково.

– Сейчас все иначе, – бескомпромиссно ответила мама. – И, Лука, это не все новости на сегодня.

Господи, дай мне сил, подумал я про себя.

– Что еще?

– Мы хотели лично пригласить тебя на наше торжество, потому что нам важно, чтобы в этот раз ты поделил этот день с нами, – сказала мама.

– Какое еще торжество? – удивился я.

– Вот, держи. – Папа протянул мне ярко-голубое пригласительное на свадьбу, на котором были изображены северные олени. – Мы снова женимся.

– В День оленевода, – дополнила мама, широко улыбаясь.

– Вы сошли с ума... – произнес я шепотом, читая слова в прямоугольном приглашении.

– Понимаем твоё смущение, но мы правда хотим, чтобы ты одобрил наше решение, – пояснил папа. – Сынок, мы действительно нуждаемся в твоём благословении. Только так мы сможем двигаться дальше и снова стать семьей.

– Да делайте что хотите, – пробормотал я, вставая из-за стола. – Мне пора.

– Лука! – крикнули они хором.

– Что? – воскликнул я, остановившись в дверном проеме. – Что вы от меня хотите? Я знаю, что вы не можете друг без друга, но ваша безумная любовь никогда не шла нам на пользу. Я все детство пытался понять, почему у нас такая странная семья и почему мои родители не

могут быть такими же, как у других детей. Не будь в моей жизни фигурного катания и бабушки, я бы точно свихнулся. Может, вам это все кажется нормальным, но для меня это слишком. Хотите пожениться? Хорошо. Обещаю приехать на вашу свадьбу. Но не надо просить у меня одобрения, потому что это выше моего понимания.

После моей гневной тирады, они попытались меня успокоить, но я был непреклонен. Сказалась усталость из-за перелета, смена часовых поясов и прошедшие соревнования. Я был измотан и опустошен и просто хотел как можно скорее покинуть этот город.

Оказавшись дома, я устыдился своей вспыльчивости и поспешил позвонить родителям по видеосвязи.

– Неважно, верю я в успех вашего брака или нет, – начал я, по очереди заглядывая им в глаза, – мне не стоило так остро реагировать.

Конечно, я поддержу вас в стремлении снова быть вместе. И буду надеяться, что в этот раз все и правда будет иначе.

Они сказали спасибо, и мы распрощались со слезами на глазах.

Я не верю во вторые шансы. Ни в карьере, ни в любви, ни в дружбе. Но что, если я заблуждаюсь и на самом деле это возможно? Вдруг желание и упорство могут сотворить чудо и вернуть тебе человека, которого ты считал навсегда потерянным? Наверное, именно поэтому я захожу в коктейль-бар «Наши черничные ночи» и оглядываюсь в поисках Полли.

– Обувь принес? – спрашивает она, подходя ко мне из-за спины.

Вздвигнув от звука ее мелодичного и нежного голоса, я непроизвольно делаю шаг навстречу.

– Помнишь наш разговор незадолго до моего отъезда на стажировку? – спрашиваю я у нее. Она растеряна, но в ее взгляде – отчетливое понимание. – Я тогда не соврал.

– Не соврал?

– Я правда хотел, чтобы ты меня отговорила.

– Лука, – мягко обращается она ко мне, – у тебя все хорошо?

– Я не хотел оставлять тебя. И я постоянно скучал. Каждый божий день, Полли. – Мое признание звучит, как раскаяние. А может, это оно и есть.

– Понятно, – кивает она, явно встревоженная моим поведением, – может принести тебе воды?

– Не надо, – качаю я головой, – все нормально.

– Зачем ты пришел? – Она смотрит на меня по-новому, почти враждебно, и я не понимаю, во мне ли только дело.

– Я тебе неприятен? – предполагаю я, сощурившись. – Кажется, тебе трудно на меня смотреть.

– Мне неприятны воспоминания, которые вызывает твое присутствие.

– Почему у тебя дрожит голос?

– Я уже сказала, – говорит она, часто дыша, – уходи, пожалуйста.

– Ладно, – киваю я, – просто пришел сказать, что мне жаль. Я правда дорожил нашей дружбой и не хотел ее потерять.

– Я тоже, – отвечает Полли, окликнув меня уже у двери. – Но, Лука, я серьезно, перестань сюда приходить. Ты даже не представляешь, что ты приносишь вместе с собой.

– Не понимаю, – хмурюсь я. – Неужели я так сильно тебя обидел?

Она больше не в состоянии со мной говорить. Я вижу это по ее дрожащей нижней губе и глазам, наполненным слезами.

– Извини, я не хотел тебя расстроить, – бормочу я, наощупь пытаюсь разыскать дверную ручку.

– Я тоже хотела тебя отговорить, – вдруг произносит Полли, но, когда я оборачиваюсь, ее уже нигде нет.

Воспоминания Полли. 2015 год

Лука уехал, но в наш город все равно пришло лето. Я убрала всю школьную одежду в наш старенький платяной шкаф и освободила стол от учебников и тетрадей. Мама, пытаясь скопить достаточную сумму для поездки в теплые края, взяла дополнительные ночные смены.

– Нельзя так много работать, – сказала я, наблюдая за ее очередными сборами на сутки.

– Зато в августе мы сможем поехать погреться на солнышке, – устало улыбнулась мама, – заодно отметим там твой день рождения. Представляешь, как здорово будет? Праздник на берегу моря.

– Не уверена, что это стоит твоих черных кругов под глазами.

– Не преувеличивай, нет у меня никаких кругов, – отмахнулась она, но ее руки тут же потянулись к лежащей в косметичке пудре. – Принести тебе что-нибудь с работы? Может, твое любимое кокосовое безе?

– Только если совсем немного.

– Хорошо, увидимся следующим утром. – Поцеловав меня в щеку, она вышла из квартиры.

У мамы поистине золотые руки. Проработав четырнадцать лет на кондитерско-макаронной фабрике, она несколько раз удостоивалась звания «Лучший сотрудник», но это никак не влияло на уровень ее дохода или занимаемую должность. Я часто слышала, как она плачет во время телефонного разговора с подругой, называя себя никчемной и неудачницей, из-за того, что снова не получила повышение или прибавку к зарплате. Такие моменты выдавали в ней боль, которой она ни с кем не делилась. А еще они объясняли оказываемое на меня давление. Мама не считала себя достойной и никогда собой не гордилась. И пусть мне были понятны ее предубеждения и страхи, я не собиралась с ними соглашаться.

– Моя жизнь будет достойной вне зависимости от количества денег и должности на работе, – сказала я ей во время очередного спора.

– Это ты сейчас так говоришь, а потом станешь сокрушаться, что ни к чему не стремишься. Уж я-то кое-что в этом понимаю, Полли.

– Зачем ты постоянно себя ругаешь, мам? Ты заслуживаешь похвалы и уважения за свой многолетний труд.

– Ох, – вздохнула мама, тяжело опускаясь на стул. Недавно на ее длинных ногах появились первые набухшие вены, и она начала страдать от частых судорог. Ожидаемый результат стоячей работы. – Я просто думаю, что могла добиться чего-то большего.

– Еще не все потеряно, – пожала я плечами. – Может, попробуешь готовить торты на заказ?

– Я уже пробовала, только зря время и деньги потратила. Твой отец тогда был в бешенстве.

– Ну, его здесь больше нет.

– Не знаю, Полли, не знаю. Мне казалось, что все как-то само сложится: получу повышение, прибавку к зарплате. Но в итоге уже столько времени стою на месте.

Мы часто возвращались к этому разговору, хотя он ни к чему не приводил. Я понимала, что маме нужно выговориться, но все равно не оставляла попыток ее вразумить. Не знаю как, но она должна была взять себя в руки и решить, что делать дальше: принять жизнь, которую имеет, или кардинально все поменять.

Пока мама пропадала на работе, я проводила время с Макаром и Сережей. Иногда мы встречались случайно, когда шли прогуляться, а порой заранее договаривались о встрече. К нам часто присоединялась Вика, с первого класса влюбленная в Сережу, и совсем затосковавшая Крис.

– Мы могли все лето быть вместе, а он взял и уехал, – жаловалась она на Луку.

– Он тебе хотя бы звонит? – спросил у нее Макар. Когда она покачала головой, он повернулся ко мне. – А тебе?

– У него нет времени на дурацкие разговоры, – ответила я, стараясь скрыть обиду на друга, – он должен показать столичному тренеру, что достоин стать его учеником.

– Так уж прям нет времени? – ухмыльнулся Макар. – Ни одной минуточки?

– Ему нельзя отвлекаться, – спокойно парировала я.

– А может, он просто о тебе забыл?

Мы сидели на фудкорте в недавно открывшемся торговом центре и допивали остатки уже согревшейся колы. На красном подносе лежала горсть картошки фри, и я всерьез задумалась о том, чтобы бросить ее в Макара.

– Да забейте вы на этого оленьего сына! – воскликнул Сережа и тут же икнул, кажется, в миллионный раз за последние полчаса. – Нам же лучше, что он свалил. Может, зависнем у кого-нибудь дома?

– Можем пойти ко мне, – предложила я, не осознавая на что подписываюсь.

– Зря ты это сказала, – прошептал Макар, когда мы вставали из-за стола, но я предпочла пропустить это замечание мимо ушей.

Перед тем, как подняться в квартиру, Сережа отлучился к своему старшему брату, от которого вернулся с упаковкой из двенадцати банок пива.

– Я не буду это пить, – поморщилась Крис. – Полли, у тебя дома нет шампанского?

– Есть, пара бутылок. Остались с Нового года.

– Ну и чего мы тогда стоим? Поднимаемся! – задорно крикнул Сережа, уже направившийся к моему подъезду.

– А я предупреждал, – улыбнулся Макар, неотрывно смотрящий мне в глаза.

Позже, когда весь черный пакет с пивом был опустошен, а икота Сережи достигла космических масштабов, Крис и Вика, выпив по одному бокалу шампанского, засобирались домой. Мы с Макаром проводили их до лифта, а, вернувшись в гостиную, обнаружили Сережу, блюющего на ковер.

– Ты что, не мог добежать до туалета?! – разозлилась я и отпихнула его в сторону.

– Я все убе...ИК...ру.

– Лучше иди и проспись, – велела я однокласснику.

Макар буквально поднял размякшее тело Сережи с пола и уложил его на диване.

– Надеюсь, из него вышло все, что он выпил, – сказала я, скривившись от запаха хмеля и рвоты. – Пойду за тряпкой.

– Я помогу убрать, – пообещал Макар и направился за мной в ванную.

В итоге он в одиночку очистил потрепанный коричневый ковер, так и не дав мне притронуться к содержимому желудка Сережи.

– Большое спасибо, – поблагодарила я его, когда он закончил уборку.

– В этом есть и моя вина, – признался Макар. – Я знал, что так будет. Ему вообще нельзя пить.

– Почему же не остановил его?

– Как будто это возможно.

– Тогда в чем твоя вина?

– В том, что позволил ему напиться в твоём доме.

– Ну, я сама вас пригласила, ты тут ни при чем.

– На самом деле я просто хотел побыть с тобой, – признался Макар, – а еще увидеть, как ты живешь.

– Ты уже был здесь, – напомнила я ему, намеренно проигнорировав первую часть предложения. – На моем десятом дне рождения.

– Да, но с тех пор семь лет прошло. Позовешь меня на свое семнадцатилетие?

– Нет.

– У тебя еще полтора месяца, чтобы передумать.

– Нет. Это у тебя есть полтора месяца, чтобы меня переубедить. – Я посмотрела на него с вызовом, уже понимая, к чему все идет.

Он взглянул на храпящего позади меня Сережу, ухмыльнулся и спросил:

– Покажешь свою комнату?

– Ты правда такой самонадеянный или притворяешься? – изумилась я его напору.

Ничего не говоря, он наклонился и коснулся моего лица губами. Я сидела, припечатанная к месту, пока он покрывал меня легкими, почти невесомыми поцелуями. Не выдержав, я поддалась разгоревшемуся внутри желанию и, быстро найдя его губы, устроилась у него на коленях.

– Не похоже, что это твой первый поцелуй, – прошептал Макар, оторвавшись от меня.

– А кто сказал, что первый? – ухмыльнулась я, притянув его обратно.

Подхватив меня на руки и уточнив в какую сторону идти, он отнес меня в мою комнату. Не разрывая поцелуй, мы завалились на кровать. Я не знала, в чем дело: в подростковой гормональной буре или стремлении быть с кем-то здесь и сейчас.

– Я думал, тут все по-другому, – сказал Макар, когда мы наконец остановились.

– Что именно?

– Твоя комната. Здесь так... пусто.

– Здесь есть все, что мне нужно.

– Да, наверно, – пробормотал он. Его взгляд был направлен на голую стену, покрытую обычной белой краской.

– Думал, тут все розовое и в плюшевых игрушках? – предположила я.

– Да нет, просто надеялся увидеть что-то такое, в чем можно увидеть тебя.

– Что это значит?

– Ну, знаешь, постер с музыкальной группой или полка с любимыми книгами.

– Уже не терпится увидеть твою комнату, умник, – фыркнула я.

– А ты правда придешь посмотреть?

– Конечно. Только как следует подготовься к моему приходу. Развесь все плакаты, что у тебя есть, чтобы я точно поняла, какой ты человек. Так же узнают людей? Не с помощью разговоров, а по картинкам на стенах?

– Ты что, обиделась? – встревожился он и приподнялся на локтях.

– Нет, но целоваться было куда веселее, чем разговаривать. Может, продолжим?

– Я не против. – Расплывшись в улыбке, он снова потянулся к моему лицу, но вдруг остановился. – Но сначала скажи, кто украл твой первый поцелуй?

– Ты реально не знаешь? – удивилась я.

– А должен?

– Думала, он тебе рассказал.

– Кто «он»?

– Боюсь, это человек, чью рвоту ты убирал с моего ковра.

– Сережа?! – ошарашенно воскликнул Макар. – Но... когда он успел?!

– Прошлым летом. Помнишь мы всем классом ходили в кино?

– Ну да.

– Он вызвался меня проводить, а по пути уломал на поцелуй.

– Уломал? – переспросил он. – Тебя?

– Ну а что? Мне тоже было интересно попробовать. Мы потом еще несколько раз практиковались, пока не начало нормально получаться.

– Я такого не ожидал. Странно, что Сережа мне ничего не сказал, учитывая, как он любит хвастаться.

– Ну, теперь ты знаешь, – сказала я.

– Но вы же... ничем больше не занимались? – шепотом уточнил Макар.

– Конечно нет.

– Хорошо, – заметно расслабился он.

– А что, ты на что-то претендуешь? – съехидничала я.

– Почему бы и нет?

– Почему бы и нет, – повторила я и потянулась к его лицу.

Лука. Декабрь 2023 год

Проходит две недели, прежде чем я возвращаюсь в коктейль-бар с одолженной парой обуви в пакете. На подоконнике заведения стоит ряд небольших мигающих елок, напоминающих не только о скором завершении года, но и чемпионате страны по фигурному катанию, который почти всегда выпадает на последнюю неделю декабря. Я задумываюсь об исходе грядущего турнира, учитывая результаты Гран-при, но мои мысли прерывает резко открывшаяся дверь. Стоящий передо мной парень одет в поношенную кожаную куртку и джинсы с потертыми на коленях. Я узнаю его благодаря запоминающимся татуировкам, которые покрывают его лысую голову и шею.

– У меня ваша обувь, – говорю я, протягивая бармену пакет.

Проигнорировав мои слова, он достает из кармана пачку сигарет и зажигалку. Сделав несколько затяжек, он наконец подает голос:

– Долго же ты шел.

– Я был занят. Вот, возьмите. – Я предпринимаю вторую попытку всучить ему одолженные лоферы, но парень продолжает наслаждаться табаком и морозным воздухом, даже не думая меня замечать. – И долго мне так стоять?

– Пока я не закончу, – усмехается он.

– Ага, ясно, – киваю я, за минуту устав от его компании. – Оставлю пакет на пороге бара.

– Что, даже спасибо не скажешь? – уточняет бармен, когда я, вернув обувь, разворачиваюсь, чтобы уйти.

– Спасибо, – бормочу я, желая поскорее убраться прочь.

– Это все Полли – говорит он, вынуждая меня остановиться.

– Знаю, передай ей мою благодарность.

– Чего сам не зайдешь и не скажешь?

– Мне уже пора.

– Она мне так и не сказала, кто ты такой, – замечает бармен, докурив.

– Ну, ее право, – пожимаю я плечами.

– Я Феликс. – Он протягивает мне руку, покрытую тату.

– Лука, – отвечаю я на рукопожатие.

– Ты ее чем-то расстроил, Лука? – спрашивает Феликс, крепко сжимая мою ладонь.

– Я?

– Да, ты, – процеживает он, резко дернув меня за руку, – мелкий засранец, думаешь можешь приходить сюда и портить ей настроение?

– Я пришел, чтобы вернуть твою обувь, идиот, – отвечаю я, оттолкнув его от себя.

– А в прошлый раз?

– Не твое дело.

– Вот тут ты ошибаешься. – Положив ладонь мне на плечо, Феликс заглядывает мне в глаза и говорит: – Это дело стало моим, как только ты довел ее до слез.

– Я ничего ей не сделал, – произношу я, грубо смахнув с себя его руку. – И перестань меня трогать.

– Ага, как же, – кивает он, сощурился серые глаза, – от тебя за версту воняет дерьмом и проблемами.

Я не успеваю ответить, потому что открывается дверь бара, и оттуда молнией вылетает Полли, похожая на светловолосую фурию.

– Что ты здесь устроил? – гневно вопрошает она. – Ты должен был забрать обувь и вернуться!

– Да все нормально, мы просто общались, – объясняет Феликс, уже доставший вторую сигарету.

– Ты делаешь только хуже, – обвиняет его Полли, старательно избегая моего взгляда.

Произошедшая только что сцена напоминает мне, как однажды она ввязалась из-за меня в драку. Но дружить с ней я захотел чуть позже, когда мы стояли в кабинете директора: она назвала своего отца оленем, а я, с трудом сдерживая улыбку, подумал, что никого лучше, чем Полли, в этой школе точно нет.

– Ладно, идем внутрь, – говорит Феликс, и я не сразу понимаю, что он обращается ко мне. – Сделаю тебе коктейль, а то ты совсем хмурый.

– Ты прикалываешься? – шипит Полли, дернув его за рукав.

– Нет, спасибо, – отказываюсь я, хоть мне и хочется еще немного побыть с Полли.

– Как знаешь. – Пожав плечами, бармен открывает дверь и скрывается в баре.

– Он всегда такой? – возмущаюсь я вслух, не ожидая ответа.

– Прости его, пожалуйста, – неожиданно извиняется Полли. – Я видела, как он себя вел.

– Видела?

Она поднимает голову, и я, заметив установленную над входом в бар камеру, киваю.

– Понятно.

– Поздравляю, кстати, – тихо говорит Полли.

– С чем? – Я думаю, что ее слова связаны с победой моих подопечных на двух последних этапах Гран-при, но сомневаюсь, ведь она никогда не следила за фигурным катанием.

– Мне звонили твои родители, – объясняет она, – пригласили на свадьбу.

– В смысле звонили? Откуда у них твой номер?

– Твоя мама сохранила его.

– Сохранила? – не понимаю я. – А когда ты успела его ей дать? И зачем?

– Ты задаешь слишком много вопросов, – останавливает она меня, изменившись в лице. – Я не помню таких подробностей, ясно?

– Ясно, – киваю я, – снова уходишь от ответа. Скажи, а мы когда-нибудь поговорим нормально или так и будем ходить вокруг да около?

Когда она ничего не отвечает, я продолжаю свой монолог:

– Может, я и повел себя некрасиво, оборвав нашу связь, но и ты ничем не лучше. Ты знала, что я один в чужом городе и что меня окружают одни сплошные незнакомцы. Я так нервничал, что почти не спал целую неделю. На тренировках тоже ничего не получалось, я не мог исполнить даже элементарных прыжков. И, знаешь, если бы не мой тренер, который разглядел за этим недоразумением на льду, какой-то талант, я бы вернулся домой уже в конце июня. Он помог мне избавиться от лишних мыслей и адаптироваться к новому месту, и тогда у меня появились первые успехи. Я не мог думать ни о ком из вас, потому что это выбивало меня из колеи. Мне нужно было сосредоточиться на тренировках, только так я мог чего-то добиться. Разве ты не этого мне желала? Побед и медалей, зрительской любви и денежных выигрышей?

– Желала, – подтверждает она, – и рада, что у тебя все получилось.

– Получилось, – повторяю я за ней, испытывая уже привычную на себя досаду. – Я все потерял, Полли. Лишился всего, за что так долго и упорно сражался.

– Не носи чушь, Лука. У тебя была отличная карьера, и ты не потерял свои титулы, перестав соревноваться.

– Ты не понимаешь, – возражаю я. – Никогда не понимала, только делала вид.

– Думай, что говоришь. Я не понимала твоих спортивных амбиций, но это не значит, что я притворялась. Моя поддержка была искренней. Так же, как и радость за твои победы.

– Тогда почему ни разу не позвонила, чтобы поздравить?

– Лука, я же не тупая, – вздыхает Полли. – Думаешь, я не понимала, что буду мешать тебе? Думаешь, я не догадалась, что ты не сообщил о своем переезде лично, потому что

боялся передумать? Ты правда считаешь, что я настолько плохо тебя знаю? Ты принял решение остаться здесь, и я уважала его с самого начала. Будь у нашей дружбы хотя бы один шанс, я бы так легко не сдалась, но, Лука, все было очевидно с самого начала, и мы всегда это понимали.

– Но сейчас мы здесь, в одном городе, ты и я. Почему же ты меня прогоняешь? В чем моя вина? Феликс сказал, ты плакала после нашей встречи. Чем я тебя расстроил?

– Лука, – начинает она дрожащим голосом, – есть вещи, которые... нет, не так. Есть прошлое, где мы были близки, а есть настоящее, частью которого ты уже не являешься. А еще есть часть жизни, которую мы провели порознь. Я ни разу не поздравила тебя с победой, не навестила в больницу, когда ты получил ужасную травму, не была рядом в день завершения твоей спортивной карьеры. Мне никогда не заполнить эти пробелы, понимаешь? Никогда.

– Я и не прошу их заполнять. Это уже не имеет никакого значения.

– Для меня все не так. – Полли поднимает голову, и я вижу, что она с трудом сдерживает слезы. – Что для тебя пробелы, для меня – целый мир.

– Не понимаю, – хмурюсь я, – о чем конкретно мы сейчас говорим? Что именно я пропустил?

– А ты разве не видишь? – горько усмехается она, смахнув с правой щеки дорожку из слез. – Уходи, Лука. Увидимся на свадьбе твоих родителей.

– От того, что ты меня прогоняешь, ничего не изменится, – замечаю я. – Сколько бы времени мы не провели порознь, и дня не прошло, чтобы я о тебе не вспомнил. Если скажешь, что у тебя было не так, я обещаю больше не приходить.

Вместо ответа Полли открывает дверь коктейль-бара и, бросив на меня умоляющий взгляд, заходит внутрь.

– Так и думал, – бормочу я себе под нос.

Заглянув перед уходом в окна заведения и заметив плачущую в объятиях Феликса Полли, я окончательно убеждаюсь, что причина этих слез далеко не наша оборвавшаяся дружба.

Воспоминания Полли. 2015 год

Даже когда мои губы принадлежали Макару, мыслями я была с Лукой.

Я скучала, но не говорила об этом вслух. Твердила всем вокруг, что он не вернется, а сама продолжала украдкой проверять телефон. Меня не удивляло его молчание, но это не мешало мне тосковать по нашим разговорам. Я не ждала его назад, но верила, что мы хотя бы попрощаемся, как полагается двум лучшим друзьям. А потом, за неделю до моего семнадцатилетия, Макар сообщил мне новость:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.